

"ЗАЧИСТКА" В СЕЛЕ ШУАНИ

(24 июля и 11 августа 2000 г.)

28 августа 2000 года в селе *Шуани Ножай-Юртовского района* сотрудники ПЦ "Мемориал" провели опрос жителей села о событиях 24 июля и 11 августа 2000 года.

Ниже приводится сводная справка и изложение рассказов.

24 июля 2000 года недалеко от села Шуани на mine подорвалась броневая машина .

По сообщению "Интерфакса" от 25 июля, в Чечне за минувшие сутки боевики обстреливали позиции федеральных войск 10 раз, в том числе ночью - 8. Об этом сообщили корреспонденту этого информационного агентства в пресс-центре объединенной группировки федеральных войск. За минувшие сутки, по данным командования федеральных сил в Чечне, было уничтожено 8 лагерей боевиков, 2 склада с боеприпасами и 4 подпольных мини-завода по переработке нефтепродуктов. Изъято два пулемета, автомат, а также большое количество патронов к стрелковому оружию, 73 выстрела к гранатомету, 22 гранаты.

По данным МВД, подчеркнули в пресс-центре, за истекшие сутки на территории Чечни зарегистрировано пять преступлений. В результате оперативно-розыскной работы сотрудников милиции, изъято два автомата, два пулемета, один килограмм тротила, а также большое количество боеприпасов к стрелковому оружию.

Из села место взрыва не видно, и что там конкретно произошло жители не знали. Однако сразу после этого село подверглось налету авиации и артобстрелу. В результате были разрушены несколько домов, а многие получили повреждения. Был ранен сын главы администрации Шуани, Бетерсолта Исаева.

Вскоре началась "зачистка". В ходе нее вошедшие в село военные издевались над местными жителями, били их, совершали грабежи, уничтожали имущество.

Б.Исаев, пытавшийся отвезти сына в больницу, был задержан военнослужащими и избит. Лишь после того, как он отдал военным все имевшиеся у него деньги, ему разрешили вывезти сына из села.

Десятерых мужчин - жителей села военнослужащие привели на место взрыва, страшно избили, а затем отпустили. Двоих мужчин солдаты увезли и бросили в ямы, расположенные между селами Ялхой-Мохк и Ахкинчу-Борзой. Оттуда они смогли выйти на свободу лишь за выкуп.

Глава администрации **Бетерсолт Исаев** подал жалобу в комендатуру и прокуратуру Ножай-Юртовского района. Представители прокуратуры приехали, собрали заявления, устно признали действия военных произволом, однако никаких мер по наказанию виновных предпринято не было.

11 августа 2000 года село вновь подверглось артобстрелу. В центр населенного пункта попали семь снарядов. После этого снова была произведена "зачистка". И, хотя на этот раз она проходила в довольно корректной форме, жителям дали понять, что "зачистка" проведена в отместку за то, что они посмели жаловаться.

После этого в село приезжала депутат Государственной Думы **Элла Памфилова**. Люди поверили, что она сможет помочь им, подробно рассказали, о том, что над ними сотворили. Однако, когда они увидели сюжет, который показал на эту тему канал РТР, они поняли, что помощи им ждать неоткуда, и как бы люди ни пытались доказать свою правоту, все равно преступниками будут считать их. В сюжете было показано, что **Памфилова** разговаривает с главой администрации, что ей с плачем что-то рассказывают женщины, но что они говорят, было непонятно, потому что звука не было. Комментировал сюжет **Попов**, который сообщил, что бандиты в селе Шуани все-таки есть, но ни одного бандита при этом показано не было.

Теперь жители Шуани, которые до этих "зачисток" придерживались пророссийской ориентации, сомневаются - правы ли они были в том, что не поддерживали боевиков.

Бетерсолт Исаев, глава администрации Шуани:

"24 июля 2000 года, когда началась бомбежка, мы прятались в своем доме, сын находился в коридоре. Обстрел был очень сильный, выйти из дома было невозможно. По селу била артиллерия, кружились и стреляли вертолеты. Через окно мы увидели дым, хотели пойти посмотреть, что там произошло, но побоялись, так как из окон начали вылетать стекла. В этот момент осколок попал в ногу сына, ему пробило ступню. Я испугался за него, и, не обращая внимания на стрельбу, выскочил из дома и прокричал солдатам, которых там увидел, чтобы они мне дали выйти, поскольку ранен человек. Один из них обругал меня нецензурными словами, а другой сказал: "Иди туда вниз, туда ушли командиры".

Сына нужно было везти в больницу, но моя машина оказалась прострелена. Я взял у соседа УАЗик, посадил сына и хотел ехать в Саясановскую больницу, там хороший хирург. Но в ту сторону меня не пропустили, велели ехать в сторону Курчалоя. Наверху меня остановили военные, среди них были медработники. Я объяснил, что везу раненого. Врач оказался порядочным человеком: он обработал рану и сказал, что, если бы мог отлучаться, повез бы раненого к себе, а сейчас нужно везти в Курчалой.

У меня с собой было только 500 рублей, этого могло не хватить для лечения сына, поэтому, я оставил его с врачами, а сам побежал обратно в село. Брат мне дал деньги, и я снова побежал наверх. Там была выстроена молодежь из нашего села. Я сказал военным, что везу раненого, и попросил, чтобы они оставили в покое этих ребят, так как они простые жители, ничего предосудительного никогда не делали, всегда были у меня на глазах. Военные стали нецензурно ругаться и сказали: "Давай сам в строй!". Я пытался объяснить, что являюсь главой администрации, но они снова обругали меня и ткнули штыком под ребро.

Я разделся и положил свой паспорт, документы на автомашину и очки возле ног на землю. Мне приказали вывернуть карманы. Я вынул деньги, свернул их, положил под ногу. Был ветер, я боялся, что они их унесет. Один из военных взял их. Я выхватил у него, это же были деньги на лечение сына, он снова забрал у меня, я опять отобрал. Потом меня чем-то сильно ударили в затылок, у меня закружилась голова, я сказал: "Делайте, что хотите, вы не люди!" - и выкинул деньги. Я с трудом пришел в себя после головокружения, у меня все время было чувство, что могу упасть. Федералы велели мне поднять деньги. Я подумал, что в них проснулась порядочность, и они возвращают мне их. Начал собирать, один даже помог мне. А когда я собрал, они сказали: "А теперь, раздай нам всем". Я отдал им деньги, они их поделили, потом один из них говорит мне: "Давай, вези своего раненого, а то поздно будет".

Я быстро подбежал к машине, обернулся и увидел, что федералы избивают ногами и автоматами лежащих на земле наших парней, а я ничего не мог поделать.

Повез сына сначала в *Ахкинчу-Борзой*, потому что там у меня был знакомые среди военных, с которыми не раз приходилось договариваться по всяким хозяйственным вопросам. Встретил заместителя коменданта, все ему рассказал, попросил прекратить беспредел. Он пообещал помочь, и действительно, сразу после этого перестала бить авиация.

Потом я повез сына в *Курчалой*. Там хирург обработал ногу сына, но, осколки, видимо, не нашел и они так и остались в ране. Сына надо было оставить в больнице, но он не захотел оставаться один и мы вместе поехали домой. Когда мы доехали, у него снова началось кровотечение, и его отправили обратно в больницу.

Повез его мой брат. Я прошел по селу и понял, что за один день в селе не осталось ни одного дома, ни одной семьи, которая не пострадала бы от обстрела, мародерства, или издевательства.

Мы обратились в комендатуру с жалобой на действия представителей федеральных войск, написали заявление в прокуратуру, рассказали о том, что произошло в газете "Грозненский рабочий". Из прокуратуры приезжали, посмотрели разрушения, взяли объяснительные у людей, но результатов пока нет.

11 августа 2000 года нас снова обстреляла артиллерия. По селу было выпущено семь снарядов. Потом подошли войска. Я пошел к ним навстречу. Представился полковник и сказал, что они пришли на "зачистку". Сказал, чтобы все вели себя спокойно, не убегали, не боялись. Я предупредил людей, чтоб не волновались. Действительно, на этот раз никого не тронули: федералы вели себя вежливо, во дворы заходили в сопровождении хозяев; осматривали и уходили, никому не причиняя вреда. Но они сказали, что этот обстрел - ответ на нашу жалобу.

Вскоре после этого к нам приезжала депутат Государственной Думы **Элла Памфилова**. Мы провели ее по селу, показали, что сотворили те, кто приехал "восстанавливать закон и порядок". Я подробно рассказал о том, что произошло в этот день. Также говорили женщины. Все это снимал оператор РТР, приехавший с ней. Мы надеялись, что россияне, наконец, узнают правду о том, что у нас тут творится. Потом мы увидели этот сюжет в программе "Вести". Показали наше село, показали, как мы разговариваем с **Памфиловой**, только вот о чем мы говорим, зрители так и не узнали, потому что все это показывали как картинку, без звука. Слово было предоставлено только **зам. командующего Попову**, который сказал: "Мы знаем, что в селе *Шуани*, действительно, были боевики".

Султан Исаев, житель села Шуани:

"Это было 24 июля 2000 года. Где-то в 5-40 утра я услышал взрыв, выскочил из дому и увидел дым, который поднимался из-за бугра. Я пошел к брату, который живет рядом. Мы вышли и стояли на улице. Вдруг издали показалась женщина, которая кричала: "Помогите, моего мужа хотят увезти". Она была из соседнего села. Утром они ехали на базар и их на дороге задержали. БМП федералов взорвалась вдалеке от села, где-то в 6 километрах, а этих людей задержали, потому что они проезжали мимо горящей машины.

Мы хотели туда подойти и выяснить, что к чему, встретиться с военными, поговорить, но нас и близко не допустили. Они ругались матом и стреляли нам под ноги. Заявили, что, если мы через полчаса не выдадим тех людей, которые взорвали машину, то они вызовут авиацию и сожгут село. Мы их пытались убедить, что мирные жители здесь ни при чем, но они и слушать не хотели. А вертолеты в это время обстреливали село. Кто-то успел выскочить из дома и спрятаться в подвал, кто-то не успел. Хорошо, что мои дети вышли за несколько минут до стрельбы, когда слышали шум. Мы живем на той окраине села, которая ближе всего к месту происшествия.

После того, как прекратилась стрельба, военные зашли в село и стали делать "зачистку". С шумом, матом они стали орать: "Давайте нам людей этих!" Они проверили наши паспорта, и пошли дальше по селу, а нам приказали не выходить за ворота и ждать.

Из центра села слышались крики женщин и плач. А нас опять начали обстреливать из пулеметов и автоматов. Во время обстрела ранили моего племянника. Мой брат, глава администрации, еле вышел из села с белым

флагом, он подошел к военным и попросил, чтобы дали возможность вывести раненого.

Мы увидели, что солдаты ведут человек десять из нашего села. Было непонятно, за что их забрали, так как боевиков в нашем селе нет и не было. Их повели туда, где была взорвана машина. Следом за ними пошли и женщины. Они плакали, когда мужчин начали избивать. Я тоже пошел туда.

Через некоторое время я посмотрел назад в сторону своего дома и увидел, что он горит. Он загорелся не от бомбежки, его специально подожгли, тогда когда обстрел уже кончился и в село вошли федералы.

Весь личный транспорт, который в этот день был на дороге, они разбили. Государственные трактора и даже старые машины они обстреливали из БТРа.

Нам вообще не дают возможности работать, даже сено косить для личного скота. Целое лето только и делают, что обстреливают нас. Проезжает колонна и обстреливает центр села.

11 августа 2000 года наше село снова обстреляли, в центр попало 7 снарядов. После этого к нам приезжала **Элла Памфилова**. Представитель командования федеральных войск, который присутствовал при этом, сказал: "Я лично насчитал среди вас 15 боевиков". Я ему ответил: "А что ж вы стояли, вас прислали сюда воевать или считать? Вот наши боевики" - и показал на женщин.

К нам приезжали из прокуратуры, вроде разбирались, но никаких результатов нет. На словах они признали вину военных, это же очевидно, но никаких актов при мне не составляли, собрали только наши объяснительные. "

Директор школы:

"Это произошло 24 июля, меня не было дома, я был на похоронах своей матери в *Гудермесе*. Соседи рассказали мне, что здесь произошло. Своими глазами я этого варварства не видел. Но моя семья была здесь и я все знаю с их слов.

На некотором расстоянии от села кто-то заложил мину. Это не могли быть мои односельчане, у нас нет таких людей. Если даже и были бы боевики среди нас, каждый житель знает: если подложить мину и взорвать ее, наше село в первую очередь подвергнется обстрелу, поэтому мои односельчане на это не пойдут. Мину мог заложить кто угодно. Много дорог сходятся здесь. Ночью мы не можем проконтролировать все пути.

Мой дом сильно пострадал, хотя я ни в каких вооруженных действиях не участвовал. Били они ракетными ударами из вертолета, из БМП. В комнатах взрывали гранаты, все мое имущество привели в негодность. Какие-то вещи унесли или правильнее сказать украли. В доме не хватало одежды, обуви, магнитофонов, разбит радио, телевизор, наверное, потому, что это было сложнее унести."

Напсат, жительница села Шуани:

"Утром в 4-ом часу 24 августа 2000 года прогремел взрыв, который был слышен в нашем селе. После этого прилетели вертолеты и обстреляли село. Не уцелел и мой дом. Когда начали стрелять, мы все разбежались по подвалам. В подвалах было много людей.

После обстрела российские солдаты зашли в село. Они пускали автоматные очереди в окна и в двери жилых домов. Нас вывели из подвалов на улицу, во дворы заехали БТРы и забрали вещи, которые им нужны, или которые им просто понравились. Они принудили мужчин лечь на землю и кричали над ними: "Сейчас мы убьем одного-двух, нет, лучше мы перестреляем всех сразу!".

После этого они, правда, ушли, забрав с собой десять человек. Мы пошли следом за ними, чтоб попытаться вызволить наших мужчин. Наши слезы и мольбы не помогли. Мужчин избивали на наших глазах, а когда отпустили, несколько человек были без сознания, не все могли идти самостоятельно. Крови было столько, что на них вымокла одежда. Кровью были налиты глаза, двое кашлял кровью, у одного были выбиты зубы. Когда мы привели их домой и начали смывать кровь, вновь прилетели вертолеты и начали обстрел, а когда улетели, солдаты опять зашли в село и начали стрелять из автоматов в окна домов.

Всех людей: и женщин, и детей, и избитых мужчин, у которых из ран еще текла кровь, вывели в центр села. Мужчин заставили снять рубашки. Снова начал стрелять вертолет.

Прежде, чем уехать, солдаты прихватили с собой из домов, то, что в первый раз не смогли унести."

Лайла, жительница села Шуани:

"В этот день мы еще не закончили утренние дела, как недалеко от села взорвалась военная машина. Мы об этом не сразу узнали, но потом выяснилось, что взорван БТР.

Федералы сильно стреляли, нам пришлось укрыться в подвалах. У меня в подвале было много людей из соседних домов. Потом мы услышали призыв о помощи. Оказывается, это была женщина, у которой забрали мужа, во время поездки на базар. Когда мы направились к тому месту, где он был задержан, прилетели вертолеты и начали стрелять по нам. Мы разбежались, вернулись в подвалы и стали молиться. Мы даже не поняли, когда кончили стрелять и в село вошли солдаты. Они кричали, чтобы мы вышли из подвалов, легли на землю. Стреляли по окнам.

Когда люди вышли на улицу, мужчин положили на землю, издевались над ними. Женщины плакали. Потом они отделили женщин от мужчин и стали угрожать, что если мы через 10 минут не назовем имена виновных во взрыве БТРа, нас расстреляют. Говорили, что за одного своего они будут убивать 5 наших. Дети кричали, началась паника. Мужчины не могли ничего поделать, потому, что при

малейшем их движении солдаты начинали стрелять. Карманы мужчин выворачивали наизнанку, забирая все, что там было. Они пугали нас, что кого-то убьют, кого-то зарежут. Отводили некоторых за дом, раздавались выстрелы. Вот так они нас запугивали, издевались над нами.

Пока нас мучили одни, другие воровали наше имущество, загружая краденым свои БТРы. Они забрали у нас золотые украшения, куртки мужские, женские, видео, телевизоры, одеяла, другие вещи. То, что оставили, сделали непригодным: разбили посуду, телевизоры, которые не смогли забрать с собой.

Потом они забрали 10 человек, сказав нам, что отпустят их быстро, только проверят и все. Так они нас обманули. Этих мужчин они забрали туда, где была взорвана машина. Мы, женщины, с криком и плачем пошли за ними. Они их не отпускали, стреляли нам под ноги и над головами, кричали нам: "Вернитесь назад, сволочи!", ругались матом. Но мы без наших мужчин не ушли. Ни в чем не виновные мужчины были избиты до крови. Военнослужащие нам их не отдавали, но мы подняли там такой крик, что солдаты, обругав нас, позволили нам забрать мужчин. На лицах избитых была кровь, кровь текла изо рта, в руках мы несли их окровавленную одежду.

Не успели спуститься и дойти до дома, как опять прилетели вертолеты и начался обстрел. Как только они улетели, солдаты опять заехали в село, опять собрали нас в центре и начали заново издеваться над нами. Мы просили оставить в покое, хотя бы больных женщин, но это было бесполезно. Перестреляли наших коров, весь скот, даже кур. Людей гоняли как стадо туда-сюда. На наших глазах они делали себе какие-то уколы.

Изрядно нас помучив, они уехали.

На следующий день мы пошли в *Ножай-Юрт*, рассказали коменданту, что с нами сделали российские военные. Спустя несколько дней, 11 августа 2000 года из-за того, что мы все рассказали, по селу ударило 7 снарядов. Это стало для многих последней каплей. Остаться в селе было невозможно, люди покинули дома, спасая, в первую очередь, своих детей. До сих пор дети боятся военных, они плачут при виде БТРа, даже те малыши, которые еще не умеют говорить."

Соседка Лейлы:

"Это было 24 июля 2000 года. Я встала, как обычно, и стала заниматься хозяйством. Вдруг начались выстрелы. Мы не знали, что там взорвалась машина. Появились вертолеты, начался обстрел. Мы спустились в подвалы, к нам еще пришли соседи. Это продолжалось около полутора часов. Остаться в нашем подвале было опасно, мы поднялись и побежали к нашим соседям, к **Ахмедовым**, у них подвал был надежней. У **Ахмедовых** находились и другие наши соседи, включая детей. Иногда кто-нибудь из нас выходил из подвала, смотрел.

Вдруг мы услышали крики. Через минут 20-30 поняли, что к нам приближается техника. Мы подумали, что военные могут что-нибудь бросить в подвал, и, испугавшись, вышли. Военные сразу же подошли с претензиями: "Мы же

договаривались, что не будем мешать друг другу, что вы натворили?". С нами вообще никто не договаривался, мы военных в селе почти и не видели. Потом солдаты начали стрелять, ругались нецензурно. Там женщина с ребенком была, они стреляли прямо в нее, но не попали. Я не представляю, как пули ее не задели.

Ничто на них не действовало, ни плач женщин, ни уговоры. Двое женщин упало в обморок, но и это их не смягчило.

Затем нас разделили: мужчин в одну сторону, женщины в другую. Мы боялись, что федералы сделают что-нибудь плохое с мужчинами и не торопились выполнить их приказ. Солдаты начали стрелять, крича при этом: "Живо к сельсовету". Моя свекровь упала, поэтому меня оставили. Я обрадовалась, что могу побыть рядом с мужем. Федералы сказали: "Даем 15 секунд, быстро говорите, кто подложил мину?".

Потом отобрали десять человек, самых крепких и увели их наверх. Около часа мы ждали, пока приведут мужчин назад. К нам присоединились соседские женщины, подошел мужчина, у которого увели сына. А часть женщин, у которых туда были забраны сыновья, мужья, братья, пошли за ними.

Через некоторое время мы увидели, что те люди, которых военные увели, идут обратно. Но они уже не были теми мужчинами, которых мы видели и знали. Это были не мертвецы, но ходячие трупы. Их лица были неузнаваемы. Они не могли идти самостоятельно, женщины поддерживали их. Те из них, кто мог говорить, рассказали нам, что там был и глава администрации, его тоже били, издевались над ним. Он, оказывается, вез своего сына в больницу. Отобрали деньги, отдали их ему, велев их раздать себе.

Мы завели парней в дома, стали им обрабатывать раны, но не успели убрать следы крови, как услышали шум приближающейся техники. Это снова в село въехали военные. Мы уже стали думать, что наши дни сочтены.

Нам приказали идти в центр села. Мы пошли, но посреди дороги стоял БТР, оттуда нам крикнули: "Эй, куда вы?". Мы ответили, что нам приказали идти в центр села, а они говорят "Кто вам сказал? Быстро идите во двор". Загнали нас в ближайший двор семьи **Манаевых**. Военные сами открыли ворота, прикладами выбивали стекла в доме, срывали занавески с окон.

Потом пришли другие военные из центра и сказали, что нас можно отпустить. Мы снова вышли на улицу. Но у дома **Адизовых** военные с обеих сторон перекрыли дорогу, навели на нас дула пулеметов БТРов, стреляли поверх наших голов. Как только других жителей села жителей привели и поставили рядом с нами, показался вертолет, как будто он ждал, пока мы выстроимся. Как нам показалось, вертолет стал стрелять прямо над нами. Снаряды сначала попадали в село, потом они обстреляли лес.

Федералы издевались и кричали даже на детей. Как дети кричали и плакали в этот день! Я не могу об этом вспоминать! В селе нет ни одного человека, которому бы не нанесли ущерб. У нас в доме разрушена крыша, украли все

вещи. Прямо во дворе зарезали теленка, забрали деньги, сломали мебель, разбили посуду.

Все это продолжалось 8-10 часов. Я не знаю, как они за такое короткое время могли нанести столько ущерба."

Медни Эльмурзаева, жительница села Шуани:

"Они забрали двоих моих сыновей из-за того, что у них не было паспортов. Всего у меня 10 детей. Федералы спрашивают, почему нету паспортов, а как я могу приобрести им паспорта, если они стоят 3000 рублей. У меня нет возможности даже одежду купить детям.

Когда мы пошли наверх за нашими сыновьями и мужьями, солдаты сказали нам, что будут бить и их и нас. Мы им ответили: "Если будете убивать, то убивайте нас вместе, мы их не отпустим". Они расспрашивали, есть ли боевики, где Хаттаб, где пещеры, видели ли мы боевиков.

Они расспрашивали моих сыновей, что они делают, когда косят сено, проезжают ли там машины, проходят боевики и. т. д. Сядет, один допрашивает, потом другой допрашивает. Так они, перепугав, измучили наших детей в тот день."

Салман:

"Я ехал из *Турты-Хутора* в *Бачи-Юрт* с племянником. Он вывихнул руку, его срочно нужно было доставить к врачу. Выехали мы около 9-ти часов. Нам нужно было проехать несколько сел, в том числе и *Шуани*. Мы заметили, что в той стороне кружат вертолеты, но, когда спросили у военнослужащих на блокпосту у *Саясана*, все ли там в порядке, те ответили, что можно спокойно ехать. Только доехав почти до центра села, мы поняли, что попали в капкан: на улицах не было ни одного человека., все прятались в подвалах, по селу била артиллерия, вертолеты обстреливали его ракетами.

Наконец обстрел закончился, но наши неприятности только начинались. В село ворвались военные. Жителей согнали в центр и заявили, что дают час, по истечении которого им должны предоставить виновников взрыва БТРа. У всех стали проверять паспорта. Если у кого-то с собой оказывались деньги - забирали. У меня забрали 350 рублей, которые я должен был уплатить за лечение племянника. При этом, видимо, для того, чтоб процедура выглядела более цивилизованно, спросили: "В долг даешь?". Я ответил, что у нас говорят: "В долг даешь - врага наживаешь". Военный стал обзывать меня, пользуясь тем, что я не могу ему ответить, так как у него в руках автомат.

Били и издевались над людьми. И над женщинами и над стариками. Избили моего племянника, избили другого родственника, который был с нами. Глава администрации, пытался все уладить, но они все равно забрали десять парней, в том числе моего родственника **Хамида Солтамурадова**. Я спросил: "Куда его забирают?" Мне ответили, что это не мое дело. Я ничем помочь не мог, за ними пошли женщины. Когда эти парни вернулись, то было видно, что

они сильно избиты, у них выбили зубы, у **Хамида** было сотрясение мозга. Ему поломали три ребра. Это установили позже в больнице в *Ножай-Юрте*.

После того как парней отпустили, федералы ворвались в дома и унесли все, что могли: видеоаппаратуру, сахар, муку, и. т.д.

Они придрались и к моему племяннику. У него было временное удостоверение личности вместо паспорта. Военные стали утверждать, что оно фальшивое. Я им сказал: " Оно выдано в *Ножай-Юрте*, там стоит и подпись и печать, вы, что друг другу не подчиняетесь, или у каждого из вас свои законы? Мальчик в этом не виноват". Они меня не слушали, подняли его на БМП, заявив, что разберутся. Я сказал, что этот мальчик никогда никуда не выезжал из села один, спросил, можно ли поехать мне вместо него. Но они хотели забрать именно его. Когда я решил все-таки поехать тоже, мне сказали: "Ты пожалеешь". Я ответил, что поеду даже в том, случае, если меня убьют. Мне завязали глаза и куда-то повезли на БТРе.

Когда остановились, я понял, что это лес между *Ахкинчу-Борзоем* и *Ялхой-Мохком*. Меня два раза ударили чем-то по голове. Последний удар был особенно тяжелым, я почти потерял сознание. Потом ударили два раза в грудь, и после этого больше не били. Меня на веревке спустили в яму, глубиной, примерно, пять метров. Там было очень сыро, вскоре ноги до колен онемели. Моего племянника и еще одного человека из *Хири-Хутора*, привязали друг к другу, завязали им глаза и в таком положении сбросили в ту же яму.

В яме был еще один парень из *Курчалоя*, который уже просидел в другой яме десять суток. Он рассказал мне, что у него в *Хасавюрте* был договор с каким-то предприятием. Он вез туда фрукты, подготовил все документы, у него с собой были деньги - 2700 рублей. Он неосторожно пошутил на герзельском посту. Когда его спросили, откуда деньги, он ответил: "Из банка стащил". "Тогда мы и тебя потащим" - сказали ему и привезли сюда. Нас там продержали 10 суток, потом выпустили за выкуп. Я долго не мог сгибать колени, когда вернулся домой. Голова у меня кружится до сих пор."

ЗАЧИСТКА В СЕЛЕ ГЕХИ

(8 - 10 августа 2000 г.)

Сотрудники ПЦ "Мемориал" провели опрос местных жителей в селе Гехи.

Ниже приводится сводная справка и изложение рассказов местных жителей.

Село Гехи расположено на равнине к юго-западу от Грозного и в нескольких километрах к западу от районного центра города Урус-Мартан.

Утром 8 августа у села Гехи подорвался на mine российский бронетранспортер. По разным сообщениям, от двух до пяти членов экипажа погибли. После чего, по-видимому, последовало боевое столкновение.

Войска приступили к "зачистке" села Гехи и прочесыванию его окрестностей. Вся эта операция продолжалась до 12 августа.

Обе воюющие стороны распространяли информацию о собственных победах.

12 августа со ссылкой на официальные российские источники Lenta.ru сообщила, что "в ходе трехдневной операции подразделениями внутренних войск МВД России уничтожены 22 боевика". Сообщалось также, что весь отряд чеченского командира **Ризвана Абу Хаджиева** уничтожен, и "взят в плен бригадный генерал **Исираилов**".

По сведениям ПЦ "Мемориал", в данном случае официальные источники, как это бывает обычно, явно преувеличили успехи федеральных сил. Ризван Абухаджиев, убитый в селе Гехи (см. ниже) не был не командиром отряда, а рядовым боевиком. О "бригадном генерале" Исираилове (Исраилове) до этого сообщения никто не слышал.

Победные реляции дошли до абсурда в сообщении Независимого Военного Обозрения (НВО-военная неделя 18.08) о том, что "в ходе боевых действий получили ранения" сразу три известных полевых командиров - **Арби Бараев, Ахмед Закаев и Руслан Гелаев**.

Не менее абсурдные сообщения были размещены на сайте "Кавказ-Центр", контролируемом **Мовлади Удуговым** и его единомышленниками. Со ссылкой на **Шамиля Басаева** утверждалось:

" 9 августа ночью в село Гехи вошли 6 вооруженных моджахедов. Уже на утро стало известно, что кто-то из сельчан сообщил оккупантам о присутствии в селе чеченских бойцов. Село было окружено российскими войсками, моджахедам был предъявлен ультиматум о сдаче в плен. В ответ чеченские бойцы открыли огонь. Моджахеда были хорошо вооружены. В ходе перестрелки с помощью огнеметов "Шмель" чеченским бойцам удалось поджечь 1 танк и БМП агрессоров, и уничтожить 13 оккупантов. После нескольких часов перестрелки моджахеда без потерь ушли в сторону Черных гор. Один из бойцов получил касательное ранение руки.

11 августа российские агрессоры вошли в село и захватили около 150 местных жителей из числа молодежи. На окраине села Гехи 19 мирных жителей были публично расстреляны. Еще 3 молодых парней были убиты через час после расстрела. Более 130 человек увезено в неизвестном направлении. Об их судьбе ничего неизвестно."

Вполне очевидно следующее - в районе села Гехи произошло боевое столкновение, убитые и раненные были с обеих сторон. Но незамедлительно последовали неизбирательные репрессии по отношению к населению близлежащего села, именно гражданское население и оказалось наиболее пострадавшим.

*Около одиннадцати часов утра 8 августа в ходе преследования боевиков военнослужащие обнаружили в доме семьи **Мусаевых** (Гехи, ул.Гагарина, 125) боевика. Члены семьи **Мусаевых** объясняют, что этот незнакомый им человек забежал в их дом непосредственно перед приходом военных. Незнакомец попытался скрыться в кухне, но вошедшие во двор военные открыли по нему огонь из автоматов, пулеметов, подствольны гранатометов. Подъехавший БТР выстрелил по кухне из пушки.*

*Затем вместе с трупом убитого мужчины (впоследствии удалось установить его имя - **Ризван Абухаджиев**) военные забрали двух проживавших в этом доме братьев **Мусаевых**: **Али** 1972 года рождения и **Умара** 1977 года рождения.*

*В группе военных, которые "зачищали" дом **Мусаевых**, а затем увезли хозяев дома, другие члены этой семьи узнали ранее знакомого им майора внутренних войск **А.Селантьева**. Этот майор сказал матери **Али** и **Умара**, **Аминат Мусаевой**, что ее сыновей забирают лишь для уточнения некоторых вопросов, и они вскоре вернутся домой.*

*С тех пор родные и близкие **Али** и **Умара Мусаевых** нигде не могут узнать об их судьбе. Они обращались в администрацию Урус-Мартановского района. Оттуда копии их заявлений были переданы коменданту района, в прокуратуру района, к Специальному представителю Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека в Чеченской Республике. Однако нигде информации о судьбе задержанных братьев **Мусаевых** их родные получить так и не смогли.*

После этого в селе Гехи в течение трех дней из домов забирали мужчин, привозили их во временный фильтрационный пункт, оборудованный на поле за селом возле кладбища. Там задержанных избивали и пытали, добиваясь от них либо признания в причастности к вооруженным формированиям. либо доноса на односельчан.

*Всего из села Гехи забрали 57 человек (по данным главы администрации). Из них двое: **Руслан Чалаев** и **Магомед** (фамилию родственники называть не хотят) были убиты; трое: **Али Мусаев**, **Умар Мусаев** и **Адлан Эльдаров** пропали без вести; **Дахадаев** находится в больнице в тяжелом состоянии.*

***Тимура Лечиевича Бексултанова**, 1984 года рождения после страшных избиений его медленно поливали кипятком, в результате чего он получил сильные ожоги.*

***Магомеда Эльбиева** 1969 года рождения, проживавшего на ул. Кавказская 50, забрали из дома. У него была серьезная травма ноги, часть кости заменял металлический стержень. Его очень сильно били, допытываясь, почему и при*

каких обстоятельствах он сломал ногу. Те, кто был с ним рядом на поле, слышали, как ему предлагали взять на себя какие-то преступления. Особенно сильно били по больной ноге.

Когда **Магомед** лежал на земле вниз лицом, к нему подошел офицер и сказал, если он на одной ноге сумеет пересечь поле, то его отпустят домой. **Магомед**, недолго думая, согласился. Когда он пробежал 15-20 метров, раздалась автоматная очередь.

Адлана Эльдарова забрали из дома 9 августа 2000 года на глазах у всех родственников. **Адлан** страдал болезнью легких, хотя внешне был здоровый. Его посадил на БТР с замазанными номерами, обещав привести через полчаса. После этого он исчез. Ни администрация, ни комендант, ни военное руководство не могут сказать, где он находится. Однако, односельчане, которых в тот день избивали на поле, видели, как пытали **Адлана электрическим** током, душили. Задержанный, по имени **Аслан**, видел **Адлана**, когда его самого завели в палатку для “беседы”. Вот, что он рассказал: “**Адлан** лежал полуголый на земле и был без сознания. Вид у него был ужасный. Военные, наверное, специально мне его показали, чтобы сломить меня. Когда **Адлан** не пришел в себя после очередной пытки, мучители позвали врача, и поставили ему какую-то капельницу. Один из военных <...> сказал, что **Адлана** нужно отправить в госпиталь и его, действительно, вывели, но ни в госпиталь, ни в больницу, его не привозили. Он пропал без вести”.

В эти же дни, 8-10 августа 2000 года, в селе проводились обыски, которые сопровождались неприкрытым грабежом.

В частности:

у семьи **Кадыровых**, улица Кавказская, 74, военнослужащие отобрали: наручных часов – три штуки; обувь - четыре пары; верхнюю одежду и 1000 рублей;

у **Зулай Хатаевой**, проживающей на улице Спортивная, федералы забрали золотые вещи: две цепочки и четыре кольца, а также кожаную куртку сына, двухкассетный магнитофон, два ковра и деньги: 200\$ США и 1000 рублей. При этом разбили все окна, посуду и зеркала, порезали ножами мягкую мебель;

у **А. Л. Баталова**, улица Горького, 84, солдаты забрали электрогенератор. Его погрузили увезли на БМП № 320;

у **Сайд-Эмина Басуханова**, улица Советская, 27, забрали все документы на автомобиль ГАЗ-53;

у семьи **Амаевых**, улица А. Шерипова, военные забрали женскую одежду и даже узелок с предметами для совершения похоронно-погребального обряда, приготовленные **Таус Амаевой** для себя;

в доме **Вахи Эльдерханова**, который вместе с семьей выехал за пределы республики, солдаты взломали двери, разломали всю мебель и посуду, побили все

окна. Забрали документы, обувь, верхнюю одежду – практически все, что нашли в доме;

у **Эльси Хатаева** разбили в доме все окна и двери, побили мебель и посуду – все предметы, которые не смогли забрать; изрезали ножами кровати с кожаной обивкой, прикладами разбили автомашину “Нива”;

в доме у **Исы Далаева**, улица Степная, пьяные солдаты на глазах у отца и брата в грубой форме приставали к несовершеннолетней дочери;

у **Шахида Астамирова** солдаты забрали автомашину “Нива”, которую не вернули до сих пор.

Военнослужащие задержали даже милиционеров, которые пытались защитить людей. Так, были задержаны сотрудники Ленинского РОВД города Грозного **Бислан Халуев** и **Юсуп Ясулов**. Представителей администрации села военные к себе даже близко не подпускали.

Почти в каждом дворе на территории села Гехи зафиксированы случаи грабежей и произвола со стороны военнослужащих. При этом у многих пострадавших военные взяли подписку о неразглашении того, что с ними случилось. Многие люди, и не без оснований, боятся говорить о произошедшем.

На сельском кладбище разрушено порядка двухсот могил и надгробных памятников, и жители села не могут их восстановить, так как у них для этого нет средств.

11 сентября 2000 года за кладбищем с. Гехи, там, где с 8 по 10 августа был размещен “фильтропункт”, было обнаружено захоронение. При вскрытии этого захоронения 13 сентября в обнаружили четыре трупа мужчин со следами насильственной смерти.

Два тела были опознаны. Это - житель села Гехи **Рамзан Лорсанукаев** и житель города Урус-Мартан **Ризван Абухаджиев**.

Рамзан Лорсанукаев - наркоман, отвергнутый семьей. Когда он пропал точно неизвестно. Можно только предположить, что его забрали во время “зачистки” 8-10 августа. Родители в похоронах не участвовали, к трупу не подходили. Опознал его брат.

Ризван Абухаджиев - боевик, который 8 августа забежал во двор Мусаевых и был там убит российскими военнослужащими.

Неполный список жителей Гехи, задержанных 8-10 августа 2000 года.

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Домашний адрес
1.	Абаев Абузид Арбиевич	1967	ул.Степная, 9
2.	Абаев Ибрагим Арбиевич	1972	ул.Степная, 9

3.	Абаев Зелимхан Арбиевич	1977	ул.Степная, 9
4.	Абдулкадыров Марзабек	1980	ул.Центр. Усадьба
5.	Айдамиров Омар	1951	ул.Кавказская
6.	Аюбов Билал	1973	ул.Кавказская
7.	Аюбов Бекхан	1956	ул.Кавказская
8.	Аюбов Бекмарз	1956	ул.Кавказская
9.	Ахметханов Ваха	1962	ул. Спортивная, 6
10.	Батукаев Саид	1962	ул.Кавказская, 60
11.	Бексултанов Тимур	1984	ул.Лермонтова
12.	Висаев Умар	1938	пер. Гехинский
13.	Висаев Сайд-Эмин	1949	пер. Гехинский
14.	Дадахаев Руслан	1963	ул. Гвардейская,32
15.	Дадахаев Магомед	1972	ул. Гвардейская,32
16.	Зельбухарова Айшат	1956	ул. Первомайская, 19
17.	Зинаев Муса	1957	ул. Горького, 24
18.	Кадыров Магомед	1950	ул. Кавказская
19.	Кадыров Ахмед	1955	ул. Кавказская
20.	Кадыров Зелимхан	1980	ул. Кавказская, 74
21.	Кадыров Рамзан	1957	ул. Кавказская
22.	Махаев Лечи	1928	ул. Больничная,22
23.	Махаев Муса	1964	ул. Больничная, 22
24.	Мусаев Али (пропал без вести)	1972	ул. Гагарина,125
25.	Мусаев Умар(пропал без вести)	1977	ул. Гагарина, 125

26.	Солтаханов Овган	1943	ул. Куйбышева, 30
27.	Тепсуркаев Леча	1955	ул. Шерипова, 25
28.	Ташухаджиев Алха	1950	ул. Кавказская, 19
29.	Устамилов Сулиман	1956	ул. Титова
30.	Хатаев Рамазан	1954	ул. Спортивная
31.	Чалаев Руслан (убит)	1971	ул. Кольцевая
32.	Шалаев Айнди	1974	ул. Буденного
33.	Эльбиев Магомед (убит)	1969	ул. Кавказская, 50
34.	Эльдаров Адлан (пропал без вести)	1964	ул. Советская
35.	Эскерханов Руслан	1961	ул. Гвардейская
36.	Эскерханов Аслан	1964	ул. Гвардейская
37.	Эскерханов Бислан	1967	ул. Гвардейская
38.	Элиханов Нурди	1928	ул. Кавказская
39.	Элиханов Иса	1972	ул. Кавказская
40.	Юсупов Казбек	1981	ул. Титова

Ниже приводятся выдержки из рассказов жителей села Гехи.:

Разет Сааева (сестра Али Умара Мусаевых):

"8 августа 2000 года мы сидели во дворе с сестрой, братом и снохой, пили чай. Было около 11 часов. Во двор вошел незнакомый мужчина и попросил налить ему чашку чая. Сноха ему налила.

Мы с сестрой зашли в дом. Не прошло и пяти минут, как во двор заскочили солдаты, начали стрелять, видимо, они за тем незнакомцем следили. Этот мужчина забежал в подвал, а оттуда на кухню. Федералы стреляли из автоматов, пулеметов, подствольников, потом во двор загнали БТР и стали бить по кухне из пушки. Все это продолжалось 1 час 45 минут. В это время родственников держали на прицеле; трехлетнего ребенка, который сидел в машине во дворе, не разрешали забрать оттуда. Когда стрельба закончилась, военные уехали, забрав труп неизвестного и арестовав моих братьев **Али и Умара Мусаевых** (одного

увезли на нашей машине, другого на БТРе). Старший брат лежал больной, но, не смотря не на что, его поставили к стене, руки за голову. **Умар** также болен, у него остеомиелит, перенес операцию и ходит с трудом."

Шаарани Мусаев, отец Али и Умара:

"Я поехал на работу, но через 10 минут вернулся, так как нас не пропустили в *Урус-Мартан*. На перекрестке, в метрах 50 от моего дома стоял БТР и милицейский автобус из *Урус-Мартана*. Нашу машину не пропустили, я сказал, что мне надо домой, только метров 50 пройти. Они ответили: "Пожалуйста, проходи". Впереди меня шли солдаты или ОМОНовцы, я не знаю. Формы была зеленая. Номера на БТРе замазаны.

Не доходя до моего дома, мне приказали: "Ложись!". Я лег. Началась стрельба, продолжавшаяся минут 15. Стреляли из автоматов и пулемета. Потом стрельба на миг прекратилась. Я услышал плач ребенка: его, видимо, вынесли, и он сидел в машине (когда я выходил из дома мой сын ремонтировал машину, а малыш сидел в ней). Они, оказывается, через ребенка стреляли

Я попросил одного из солдат принести мне мальчика. Мне принесли его, приказав отойти. Потом я вышел посмотреть, что там происходит. БТР уже стоял во дворе, из него началась стрельба. Военные сразу же убили мужчину, но продолжали стрелять. Начался пожар.

Нас не обвиняли в том, что в нашем доме был бандит. Даже соседи говорили, что федералы кричали друг друга: "Вон он побежал". Брат сказал им: "Я не знаю этого человека", те ему ответили: "Да знаем мы, что вы не виноваты".

Потом эти солдаты сами помогали нам тушить пожар на кухне, который возник от стрельбы. Качали вместе с нами воду.

Младшего брата военные держали на улице в наручниках, с головой, обмотанной рубашкой. Старшего сразу отпустили. У него жена и трое детей."

Имран Чалаев (дядя Руслана Чалаева):

"10 августа 2000 года в 10 часов утра мой племянник, **Руслан Курейшевич Чалаев**, делал кирпичи из самана недалеко от дома. К нему подъехали военные на БТРе, номер которого был замазан, и спросили документы. Руслан сказал, что документы у него дома, но он сейчас их принесет. Услышав это, его сестра быстро принесла паспорт, но военные бегло просмотрели и вернули, заявив, что документы им уже не нужны. **Руслана** посадили на БТР и увезли. Сестре, которая пыталась этому препятствовать, стреляли под ноги из автомата.

Примерно через час военные подъехали снова, подозвали меня и сказали, что у **Руслана** они нашли рожок с патронами от автомата. Рожок он якобы закапывал в землю в тот момент, когда они подъехали. Значит, заявили они, должен быть и автомат. Я сказал, что никакого автомата у **Руслана** нет и быть не может, но военные настаивали на своем. Все они были пьяны.

Потом они подъезжали еще два раза, требовали автомат и обещали вернуть после этого **Руслана**. Предложили купить его где-нибудь. Я сказал, что не знаю,

где можно его купить, но, если по-другому невозможно вернуть **Руслана**, то готов уплатить его стоимость. Военные обещали подъехать еще раз.

Только они отъехали, подошел односельчанин и сказал, что **Руслан** убит: глава администрации видел его тело на поле. Вскоре тело **Руслана** привезли домой.

У племянника были переломы правой ноги выше колена и левой руки ниже локтя, ножевые ранения на руках. 70 процентов лица и тела было обожжено. Вены на пятках были пробиты, на них запеклась кровь. Те, кто оказался на поле рядом с ним, рассказывали, что его обливали кипятком и пытали током. Мочки ушей у него были черные, со следами ожогов."

Леча Махаев:

"Я 1928-го года рождения. Трое моих сыновей погибли в прошлую войну. В начале этой войны я отправил оставшегося в живых сына в *Россию*, другой мой сын, **Муса**, болен туберкулезом, он инвалид. Его трижды оперировали, у него нет одного легкого, удалены три ребра.

В тот день российские военные забрали меня, и моего больного сына. Спрашивали про второго сына, но я сказал, что он уехал в *Россию*, а в какой город, не знаю. Паспорт мой они посмотрели, там все было в порядке, в порядке были и документы **Мусы**, но нас все-таки забрали.

Нас привезли в поле. На обращение солдат ко мне пожаловаться не могу: они не все одинаковые – эти, как к отцу, ко мне отнеслись, с уважением. Руки мне не выворачивали, не связывали, на землю не приказывали лечь, одним словом, не трогали. Они мне дали сиденье, чай, консервы. Я сказал, что ни одного куска не съем, если пищу не дадут для всех.

Сын мой так измучен болезнью, что у него только кости и остались. Я знал, что, если его ударят, то сломают ему кости, и он не выдержит этого испытания. Среди военных был старший, видимо, командир. Он заступался за меня. При этом у него даже был неприятный разговор с теми, кто избивал людей. Военные, которые нас привезли, охраняли и пытались защитить от тех, кто избивал. А другие светили фонариком и забирали ребят.

Был третий час ночи и сын, лежащий на земле, совсем замерз. Старший военный, тот, что защищал нас, разрешил ему встать с земли и сесть рядом со мной. Ему дали бушлат, и он согрелся. Только один раз его ударили.

Домой нас с сыном отпустили на вторые сутки, но потом опять забрали: военные нашли фотографию погибшего сына в форме.

Других односельчан в поле я не видел, потому что было темно, но знал, что они там. Слышал звуки избиения и стоны. К нам посадили нашего односельчанина, тракториста **Эльдарова**, а через несколько минут опять забрали. Он был очень здоровым парнем, из хорошей семьи. Теперь неизвестно, где он находится."

Ахмед:

"8 августа 2000 года утром подъехал БТР, и нас: меня, моих двух братьев и сына, забрали военные. Сказали, что проверят документы и, когда установят личности, отпустят.

Нас привезли в поле за селом, завели в "камеру", которая представляла собой участок земли, огороженный брезентом. Никаких обвинений нам никто не предъявлял, просто спрашивали про оружие и нефтяные мини-заводы, а также воевали ли мы. Мы сказали, что оружия у нас нет, а где ваххабиты, мы не знаем. Задержавшие предупредили, что скоро придут "гестаповцы", и тогда мы все им скажем: мол, когда они нас начнут бить, мы и оружие найдем, и все вспомним. Они называли гестаповцами, тех, кто нас потом избивал.

Одного брата военные оставили в палатке, а нас троих вывели. Брата начали избивать, потом туда завели второго брата и тоже били.

Мы ничего не видели, так как головы нам они замотали рубашками. При этом голова должна быть опущена. Если поднимал, то получал удар прикладом, или еще чем-нибудь. Все время пока нас допрашивали, мы лежали на земле вниз лицом.

Примерно в два часа ночи по просьбе одного из мужчин, сильно избитого, вызвали медиков. После их приезда нам разрешили сесть и дали воду. Парня, который так же был сильно избит (врачи говорили, что у него селезенка лопнула), на БТРе куда-то увезли. Его до сих пор ищут. Я этого парня почти не знаю. Знаю только, что он тракторист из нашего села.

Через час или полтора после того, как нам разрешили сесть, прилетел вертолет, и нас опять заставили лечь вниз лицом. До вечера мы пролежали на поле. Все это время слышны были крики и звуки ударов, но видеть не было никакой возможности, потому что у всех на головах были рубашки или майки. Да и голову нельзя было поднять.

Те, кто бил, на себя вообще не разрешали смотреть, боялись, что их потом узнают. После того, как мы вернулись домой, узнали, что одного нашего односельчанина облили кипятком и пытали током. Некоторые рассказывали, что были случаи, когда людей прижигали окурками. И, действительно, на некоторых из них были ожоги.

Мы пробыли в "камере" одни сутки. С нас взяли расписки, продиктовав, что мы не участвовали в боевых действиях, торговлей оружием не занимались, к федеральным войскам претензий не имеем. Отпустили в этот день человек десять или одиннадцать."

Магомед (брат Ахмеда):

"8 августа 2000 года к нам во двор заскочили военные и окружили отца, которому уже давно за семьдесят. Мы возмутились, потребовали прекратить произвол. Узнав, что мы его сыновья, военные забрали нас всех: троих братьев и нашего племянника. Отца, правда, оставили. Им все равно, кто перед ними, молодой, старый, женщина, мужчина, лишь бы был чеченец.

Стали спрашивать, где прячутся боевики, ваххабиты, где оружие. Я сказал: “Все село знает, что мы ни к чему плохому не причастны, что всегда жили своим трудом”.

Потом военные стали в поле натягивать палатку. Мы думали для того, чтобы тень создать, а это, оказывается, строилась камера пыток. Нам велели лечь на землю, в пыль, под палящее солнце. Рубашками замотали головы (у нас на спинах теперь сплошной ожог), и стали избивать. Когда взялись за брата, я сказал, что у него 700 рублей, пусть они заберут их, только чтобы оставили его в покое. Они стали кричать: “Какие деньги... где деньги... разве у тебя были деньги?”. Я понял, что денег уже нет, поэтому предложил привезти их.

“Что, богатые?” - спросили военные. Я ответил, что сумею собрать деньги в селе, только не надо калечить человека. Военные угрожали, что якобы придет “гестапо”, которое нам еще “покажет”.

Они тогда меня тоже завели в “камеру”, за брезент, положили рядом с братом, и начали избивать ногами. Я сказал, что перенес инфаркт, просил не бить по сердцу. Они, после моих слов, именно по сердцу и старались попасть. Били шомполом от автомата по обожженной спине, по голове, по ключицам. Потом стали угрожать расстрелом. Когда же я попытался встать, меня ударили по лицу прикладом.

Они требовали назвать какого-нибудь односельчанина – боевика или же сдать оружие. Выяснить, кто заходил во двор **Мусаевых**, они и не пытались. Я сказал: “Вы же уже убили того, кто БТР взорвал, зачем вы людей мучаете?!” Они в ответ: “Значит, ты все знаешь?”, и снова начали бить и топтать ногами. Один из военных все время повторял: “В этом БТРе погиб мой брат!”. Конечно, они были уверены, что мы не виновны, просто издевались над нами. БТР для них был не столько причиной, сколько оправданием их природной жестокости.

Это были звери, натренированные и обученные на избиениях людей. Перед ними я был, как цыпленок. В них не было ничего человеческого. А еще, рассказывают, там был БТР с генератором, приспособленным для пыток током. Слава Богу, мы туда не попали.”

Роза Усмановна Тепсуркаева:

"Я живу в селе *Гехи, улица Шерипова, 25*. Мой муж работает заместителем начальника ГАИ района. Я болела, лежала в постели, когда зашли солдаты. Моя золовка, **Зара Тепсуркаева**, сохранила документы с прошлой войны, среди которых были и книги: “Сто дней президента” и “Солдаты газавата”. В свое время она участвовала в митингах, в марше мира, как и я. К нам приезжали матери солдат, мы помогали им в поисках их сыновей. Помню, с нашей помощью нашли мальчика из *Оренбурга*, еще один, найденный нами, был со *Ставрополя*, его мать звали **Олей**. **Зара** очень испугалась, что солдаты найдут эти бумаги, и хотела спрятать их. Она в тот день носила их с собой.

Когда военнослужащие обнаружили книги, они ударили золовку. Муж не удержался, попытался защитить ее. Он им сказал: “Ребята, вы что делаете, она

же женщина”. Солдаты обругали его матом, ударили прикладом, потом били ногами. Наш сосед, **Марзбек Абдулкадыров**, двадцати лет, зашел посмотреть, что у нас происходит. Военные его тоже схватили и потом забрали в *Урус-Мартан*, в интернат. Там его жестоко пытали током, избивали, а затем выбросили на улицу, полагая, что он умер. Прохожие отвезли его в больницу, хотя никто не знал, кто он и откуда. Когда **Марзбек** пришел в себя, то назвал свое имя и адрес. Он сейчас в тяжелом состоянии, врачи не гарантируют ему жизнь.

В это время в доме были наши дети, дочь и сын, двенадцати и шестнадцати лет. Человек, командовавший военными, сказал: “Всех в наручники, положить на землю и расстрелять”. Я не знаю, благодаря какому чуду мы спаслись. Сын мой сбежал, меня они ударили, били ногами. **Зару** тоже били ногами, она вся была в синяках, у нее из носа текла кровь. Это был “шамановский полк”. Так, по крайней мере, нам сказали те военные, что приходили на зачистку в последующие дни. Мы у них об этом спрашивали специально.

Зара сейчас в тюрьме. У нас берут передачи. Женщина, которая вышла оттуда, видела ее там. Она сказала нам, что **Зара** в тяжелом состоянии, она больна. Если с ней поговорить, заметно, что она не в своем уме. Говорить по-русски не умеет.

Когда **Зару** забирали, на нее надели наручники, и тащили ее, держась за них. Она не хотела идти, цеплялась за брата и племянника.

И еще. Когда у нас проводили зачистку, военные забрали стираное белье, что висело во дворе, унесли всю парфюмерию. Я попыталась их пристыдить, сказала, что они должны быть гордостью *России*. Они мне ответили: “Замолчи, сука, мы тебя пристрелим”.

Леча Тепсуркаев (Уведен из дома 9 августа 2000 года; в течение десяти дней находился в *Урус-Мартане* без предъявления ему каких-либо обвинений):

"Я находился в подвале комендатуры. Это была настоящая душегубка: никакой вентиляции, невыносимая вонь. Совершенно нечем было дышать. Мы по очереди, по два человека ложились на пол, прижимались ртом к щели под дверями и дышали. Это было единственное место, куда поступал воздух. Температура в камере была выше 40 градусов, при этом было очень сыро. От недостатка кислорода, запаха пота, нас валило с ног. Кожа на теле обвисла. Если бы пришлось провести там еще хоть одни сутки, я бы умер.

В этой маленькой камере нас было десять человек. Таких помещений было в подвале четыре. Ночами постоянно было слышно, как кого-то били, пытали, как издевались, и каждый ждал своего часа."

Ризван (Руслан) Дадахаев:

"Утром 8 августа 2000 года к нашему дому подъехал БТР, помню его номер: 420. Во двор зашел какой-то командир. Он везде посмотрел, потом проверил

паспорта, мой и моего брата. Наши документы не вызвали у него никаких подозрений.

Этот же командир спросил о наших соседях, зашел к ним, а когда оказалось, что их нет дома, вернулся обратно. Я в это время поливал в саду яблони. Ко мне подошел брат и сказал, что меня зовут, после чего я вернулся во двор. Один из военных говорит: “Надо поехать, проверить твой паспорт через компьютер”.

Меня и моего брата усадили на БТР и повезли. Сестра побежала за нами. Я ей сказал, чтобы она уходила домой. Мы не успели сесть в БТР, как тут же без всяких вопросов нас стали оскорблять и избивать, мы с братом были в недоумении, за что и почему нас бьют.

Мы приехали в поле за село. Там стояли танки, пушки, минометы, чего там только не было! БТР свернул за кладбище, и нас высадили. Подошедшие военные забрали у нас паспорта, и приказали лечь на землю. Кроме нас с братом, там лежало уже человек шестнадцать.

К 9.00 на поле нас было двадцать три человека. К 11.00 добавилось еще семь или восемь. Уже ночью, где-то около двух часов, брата подняли, отвели в сторону метров на десять или пятнадцать и там избили. А мы лежали на земле, с руками, заведенными за голову. При малейшем движении к нам подходили и били прикладами.

С нами было три старика, одному из которых было лет восемьдесят. Он что-то сказал, и тогда подошел один из военных и ударил его прикладом по лицу. Лейтенант, который охранял нас, сказал ударившему: “Ты, сука, ФСБэшная, отойди! Когда заберешь его, там и будешь говорить с ним, как хочешь. А сейчас я за него отвечаю”. Тот, кого называли ФСБэшником, ушел.

Минут через двадцать после этого случая привели моего брата, всего избитого, и положили под БМП. При этом еще и пинка дали. Затем, подняли меня и увели, как оказалось, на допрос.

Во время допроса у меня спрашивали про людей, которых я не знал. Называли какие-то клички, например, “Туту” и “Салех”. Но я их не знаю, военным так и сказал. Спрашивали так же, не связан ли я с террористами и бандитами.

На поле нас держали много часов, но при этом только раз дали попить. И еще: только ночью командир разрешил нам присесть, потому что его об этом попросили старики. Били же постоянно: кирзовыми сапогами, железкой, толщиной в палец и длиной сантиметров тридцать пять: у одного из военных была такая железка. В 2.30 ночи, он просто так подошел и начал бить ею людей.

Там были ребята от пятнадцати до восемнадцати лет. Их сначала не трогали, били более старших по возрасту. Но потом взялись и за них. Одному парню хотели даже палец отрезать.

Меня посадили на колени, руки заставили завести за голову, чтобы живот и спина были открыты. Били по ребрам, два из них у меня теперь сломаны. У брата сломано ребро, поврежден позвоночник, в двух местах трещины. Брат

1972 года рождения, а уже ходить не может. Нам задавали вопросы - где оружие, где ваххабиты. Мы ничего не могли ответить на эти вопросы; так как не знали ни одно, ни другое, и тогда нас с **Магомедом** били. Я несколько раз терял сознание. Один раз, придя в сознание, я то увидел, как приводили в чувство моего младшего брата. Когда им это удалось, какой-то толстый майор вскочил на брата и стал прыгать на нем. После этого **Магомед** снова потерял сознание. Мое лицо затекло кровью, мне плохо дышалось, в глазах двоилось, голова сильно болела от нанесенных ударов, и я уже лежал, не пытаясь встать.

Меня про службу в армии спрашивали: “Был ли в армии, так ли там тебя избивали?”, и прочую чепуху. Я ничего не отрицал. Говорил, что избивали, хотя этого и не было. Признавался, что мыл полы и т.д. Я сначала не понимал, почему у меня это спрашивают. А потом дошло: чеченцы везде держались достойно. А им это не нравится. Если ты человек с чувством собственного достоинства, то они тебя будут избивать, у них такие понятия. Им внушили, что чеченцы избивают русских и заставляют работать на себя. То, что чеченцы всегда умели постоять за себя, больше всего им и не нравится.

Потом они спрашивали, есть ли у нас проститутки? Я сказал: “Ты находишься на *чеченской земле*. В *России* найдешь”. Тогда они меня особенно сильно избили.

Еще спрашивали, про боевиков, воевал ли я. Выслушав отрицательный ответ, предложили: “Ты должен принести автомат или пулемет, тогда уйдешь живым”. Я ответил, что я не воевал, а автомат не держал в руках с 1983 года. Так что у меня нет ни пулемета, ни автомата. Я сказал: “Чем вот так мучить, лучше расстреляйте меня”. А они в ответ: “Что легкой смерти захотелось, мы тебя – повесим”. Это говорил тот самый ФСБэшник.

Те, что нас привезли, они не трогали. Они почти сразу уехали, как нам сказали, “на охоту”. Эти же избивали по-настоящему. У лейтенанта, что привез, нас забирали по одному люди в фуражках и в платках. Лиц я не запомнил, была ночь, но помню, что было их человек пять.

Один из них спрашивал, чем я занимался в селе с 1991 года. Я занимался хозяйством. Задавали вопросы о том, кто занимается изготовлением бензина из нефти, и почему в селе такие большие дома? Мой дом саманный, построен еще в 60-м году. Отец у меня больной, мы не воровали, жили мирно. Но *Россия* не дает нам так жить.

На следующий день, в обед, меня, брата, и еще троих моих односельчан отвели на открытое место, где особенно сильно светило солнце, и, сняв с нас рубашки, положили на землю. На солнце мы пролежали часа два. У меня пониженное давление и я попросил врача. Мне было очень плохо, но врача военные так и не позвали.

Потом они спросили: “Кто из вас **Руслан**?”. Я откликнулся, тогда военные подняли меня и моего брата, отвели в сторону. Говорят: “Мы разведали, чем вы в селе занимались”. И отпустили. Через сутки после задержания и избиений.

Остальные гехинцы провели там трое суток, и все это время их избивали. Одного из них, **Магомеда**, фамилию не помню, расстреляли. Я слышал эти выстрелы, но ничего не смог увидеть, потому что голову нельзя было поднимать. Потом слышал такой диалог:

“Аппарат у него был хороший, вы сняли его?”.

“Что за аппарат?”

“У него же аппарат Елизарова был, не сняли разве?”

“Да сняли, сняли...”.

У этого **Магомеда**, оказывается, стоял аппарат Елизарова. Нога у него была сломана.

(Братья Дадахаевы в настоящее время находятся в больнице с переломанными ребрами, носами, а у Магомеда Дадахаева поврежден позвоночник.)

Саид (псевдоним):

"8 августа 2000 года, проснувшись, люди увидели, что село полностью заблокировано, въезд и выезд из него были перекрыты, запрещалось проходить и пешим людям всех возрастов.

В 8.30 военные в масках на военной технике с замазанными номерами ворвались в село. Началась так называемая "зачистка".

Обращение к жителям села у военных было скотским, цели и задачи своего рейда они никому не объясняли, напротив, запрещали что-либо об этом спрашивать.

Мужчин от пятнадцати до шестидесяти лет, а в некоторых случаях и более старшего возраста, военные сразу задерживали, при этом не предъявлялись какие-либо обвинения или объяснения. Задержанным завязывали глаза и руки, голову их окутывали рубашками, а потом бросали в БТР и вывозили за село, где был наспех оборудован полевой концлагерь. Как только закрывался люк БТРа, по задержанному наносились удары кулаками, ногами прикладами со всех сторон. То, что можно было с него снять (часы, обувь, верхнюю одежду, деньги и пр.), снимали там же.

Людей привозили на поле за сельским кладбищем. Там в виде буквы “П” была выставлена гусеничная техника, туда и загоняли арестованных. Метрах в десяти-двенадцати от этого находилась “комната смеха”, как военные ее называли. В ней комнате обрабатывались арестованные.

“Работали” там, судя по возрасту и поведению, офицеры, так как среди них не было никого младше тридцати лет. Они заводили в палатку по одному или по два человека со связанными руками, задавали какие-то несущественные вопросы и, независимо от ответа, с животным инстинктом избивали их, ломая ребра и челюсти. Били, чем попало: руками, ногами, прикладами, шомполами и палками, а когда палачи уставали, в ход пускали электрический ток. Рядом был

установлен электрогенератор, провода от которого подсоединяли к ногам задержанных около пяток".

Абуязид Арбиевича Абаева 1967 года рождения, улица Степная, 9, забрали с двумя братьями: Ибрагимом и Зелимханом, 1972 и 1977 годов рождения, прямо из дому. Они не пытались скрыться от военнослужащих, так как они полагали, что для этого нет никаких причин.

Абуязид Абаев:

"По дороге из дома на поле, где федералы в течение трех суток избивали людей, БТР остановили. Нас вытащили и начали избивать человек десять-двенадцать. Я попросил, чтобы **Зелимхана**, младшего моего брата, не били, так как у него больное сердце. Тогда один из федералов сказал, что его порцию отдадут мне. Я согласился. Нас с **Ибрагимом** били настолько сильно, что мы потеряли сознание. Когда я пришел в себя, уже был вечер. Я хотел поднять голову, как тут же получил прикладом по затылку. Мне приказали не поднимать голову, хотя она и была укутана в майку.

Я слышал, как солдаты говорили про какую-то удавку, которой хотели кого-то повесить. Я думал, что меня. Но вскоре, когда они все приготовили, я услышал команду: "приведи его". Они привели другого. Он просил и по-русски, и по-чеченски, чтобы не делали этого. Но пытка, видимо, продолжилась. Некоторое время были слышны его хриплые стоны, а потом все стихло. Нам с братом повезло, мы отделались переломанными носами, выбитой челюстью и сломанными ребрами."

Руслан Эскерханов:

"Они заскочили к нам во двор, заставили лечь лицом вниз, поискали у себя веревку, чтоб связать нам руки, когда веревка не нашлась, сняли шнур, на котором сушилось белье. Руки нам связали, а головы окутали майками, рубашками и затолкали нас в БТР, но, не успев закрыть люк, начали избивать нас, чем попало.

Нас вывезли за село в поле, и продолжили истязания. Проверяли, кто с какого удара упадет или потеряет сознание. Когда **Нуради** упал, солдаты стали бить его прикладами по правой ноге. Он уже не мог самостоятельно встать, и тогда его подтащили к машине ЗИЛ-131, которая стояла недалеко. Один военный взял **Нуради** за уши и бил затылком о бампер пока тот не потерял сознание.

Бислана били четверо. С завязанными за спину руками, его поставили на колени и били ногами по лицу, по животу, по спине. Потом подошел командир, кажется майор, он захотел показать как ломают нос и нанес сильный удар в лицо. **Бислан** упал и больше не вставал. После избиения нас привезли к остальным. Там мы увидели ужасную картину – стоны, крики, допросы и т.д."

Нуради Эскерханов:

"Меня потащили в палатку на допрос. Там в это время кого-то били и солдату сказали, чтобы он меня пока не заводил. Через некоторое время из палатки

выволокли полуживого парня. Он был весь в крови. В бреду парень просил воды. Я тоже попросил солдат, чтобы ему дали воду, но мне ответили, что я должен беспокоиться за свою шкуру. Позже я узнал, что на этого парня вылили кипяток и он умер. Это был **Руслан Чалаев**.

Когда меня завели в палатку, там лежал полуголый мужчина и военные, среди которых были и врачи, проводили какие-то действия над ним. Он лежал под капельницей, я его не узнал, так как выглядел он очень плохо.

В палатке меня спрашивали про ваххабитов и бандитов и т.д., а так как я ничего не мог об этом сказать, меня избили так, что все лицо затекло кровью, и сознание я, кажется, потерял на этот раз быстро.

Военные врачи - мужчина лет сорока пяти и женщина лет сорока в избиениях участия не принимали. Они, когда эти живодеры уходили, кому-то давали таблетки, кому-то измеряли давление, правда, непонятно почему: то ли из человеческих побуждений, то ли следуя клятве Гиппократ, то ли для эксперимента."

“ЗАЧИСТКА” СЕЛА ТУРТЫ-ХУТОР

(26 августа 2000 г.)

29 августа 2000 года в селе Турты-Хутор Ножай-Юртовского района сотрудник ПЦ "Мемориал" Н. Эстемирова записала рассказы местных жителей о “зачистке” села 26 августа 2000 года.

Ниже приводится сводная справка и изложение рассказов:

Утром 26 августа военнослужащие федеральных войск вошли в село Турты-Хутор. Судя по показаниям одного из жителей села, военнослужащие заехали сюда по ошибке, они намеревались провести “зачистку” Аллероя. Тем не менее они “зачистили” Турты-Хутор. В селе не были обнаружены ни боевики, ни оружие, за исключением охотничьих ружей, на которые имелись разрешения.

В ходе “зачистки” военнослужащими были ограблены, а затем подожжены или забросаны гранатами несколько домов, в которых в тот момент не оказалось хозяев. Важно отметить, что офицер, командовавший военнослужащими, ссылаясь на исходящий сверху приказ сжигать пустующие дома.

Кроме того, военнослужащие забрали лекарства из сельского медпункта.

В селе были задержаны несколько мужчин. Однако вскоре все они были отпущены. В целом, по меркам нынешней “антитеррористической операции”, в ходе данной “зачистки” военнослужащие вели себя значительно “мягче”, чем в ряде других населенных пунктов (см. рассказы о “зачистках” сел Шуани, Ст.Атаги, Гехи, поселка Черноречье). И тем не менее, грабежи, вызывающая

грубость, демонстративное неуважение местных обычаев и религиозных норм провоцируют враждебность к федеральной власти даже у той части местного населения, которая была лояльна к Российской Федерации.

Солтамурадова, жительница села Турты-Хутор:

“Дом моего брата, **Махмуда Солтамурадова**, находится рядом с моим домом. Мой брат хороший человек, он сейчас работает директором в управлении "Сельхозтехника". Никогда не воевал, хотел увезти свою семью подальше от боевых действий, и вот 26 августа во время “зачистки” лишился дома.

Когда я увидела, что военные зашли во двор брата, то попыталась объяснить, что сейчас хозяина дома нет, но ключи от дома у меня. И хотя я предлагала принести ключи, военные меня прогнали. Однако я все равно сделала попытку подойти и вижу: федералы автоматами выбивают стекла. Затем они вошли в помещение и стали вытаскивать вещи. Я возмутилась: "Положите обратно, это мои вещи, если вы пришли делать проверку, делайте ее, а вещи не берите!". Военные взяли охотничье ружье моего отца, несмотря на то, что я сказала, что на него есть разрешение. Мне ответили: "Мы не разрешаем его хранить, а это разрешение давай сюда", так и забрали и разрешение и ружье.

Когда я увидела, что дом подожгли, а тушить его никто не собирается, то подошла к командиру и спросила: "Что вы там нашли? Зачем вы сожгли дом моего брата?" Командир положил руку на сердце и говорит: "Мы там ничего не нашли, но нам приказали пустые дома сжигать".

Сосед Махмуда Солтамурадова:

“26 августа в наше село *Турты-Хутор* в 10.00 вошли военнослужащие федеральных войск. Они окружили село полностью, ни одному человеку не дали выйти, или хотя бы просто подойти друг к другу. Федералы разошлись по всему селу с гранатометами и автоматами - заходили в дома, проверяли все. Никто нам ничего не объяснял.

В ходе зачистки военнослужащие ограбили и сожгли дом **Махмуда Солтамурадова**, который временно живет в селе *Найбере Гудермесского района*. У него много детей, внуков, больная жена, сердечница. Он туда поехал, чтобы спасти свою семью: жена его очень страдала из-за обстрелов.

Еще до того как федералы сожгли дом, один из них спросил у меня: "Что это за селение?" - "*Турты-Хутор*" - "А где *Аллерой*?" - "Ниже." Тогда он сказал другому: "Мы приехали сюда по ошибке". Однако их это не остановило.

Возглавлял военных полковник **Занин**. Он представился мне как начальник временного отдела внутренних дел *Курчалоевского района*. Сказал, что если у нас возникнут вопросы, чтобы мы приезжали и решали их на месте. Потом заметил, что у нас ничего не нашли, все чисто, а вот в соседнем селе *Чари-Мохк* в пустом доме нашли гранатомет "муха" и одноствольное ружье.

Федералы забирали людей. Перед этой “зачисткой” в село на три дня к нашей соседке, которая больна (у нее какие-то проблемы с сердцем), приехали ее сын и внук. Одному из них 37 лет, второму - около 18-ти. Федералы забрали их и повели куда-то вниз. Мы очень боялись за них, потому что слышали о том, что недавно было в *Шуани*. Среди тех, кто задерживал, был офицер. Вслед за ними пошла целая толпа односельчан, дети плакали. Я попросил, чтобы выпустили задержанных, ведь они приехали к больной матери и бабушке. Офицер сказал: "Мы их допросим и выпустим скажите только, чтобы дети не ревели". Я по-русски сказал детям, чтобы не плакали, а почеченски - чтоб плакали погромче. Задержанных действительно отпустили минут через пятнадцать. Старший, **Хизир**, был очень красный, не мог говорить. Оказывается, его били, у него, видимо, поднялось давление.

Учитель сельской средней школы Муса Хасанович Джумаев:

“26 августа 2000 года военные, вошедшие в наше село, проверяли и мой дом.

Зная о том, как грабили дома в *Шуани*, мы все что могли: деньги, золото, документы положили в карманы.

В тот день была грязь, военнотружущие в грязных сапогах заходили в комнаты, один в одну, другой в другую.

Меня вызвали во двор, оказывается, там задержали моего младшего сына, **Исмаила**. Задержали за то, что у него свидетельство о рождении, а не паспорт. Несколько месяцев назад, мы собрали документы, отнесли в местную администрацию, подготовили бумаги для получения паспорта, но его нам не выдали. Мы же не виноваты. Тут не один **Исмаил** без документов, таких как он у нас много. Кроме моего сына, забрали еще троих.

Я решил идти в штаб вместе с сыном. Мы стали подниматься следом за своими детьми, а один из федералов, кто уводил их, говорит: "Я застрелю любого, кто подойдет на расстояние 50 метров". Таких злых варваров я в жизни еще не видел.

Ну, что поделаешь, застрелят одного, но всех не перестреляешь. Я постоял немного и пошел следом. С нами была еще наша сноха (там вообще было много женщин). Она не отпускала моего сына, держа его за руку. Один из солдат стал с ней драться. Так продолжалось до тех пор, пока мы не дошли до командира, который, видимо постеснявшись людей, крикнул ему "Оставь женщину !".

По имени-отчеству военные себя не называли, только какими-то кличками. Один почему-то именовал себя чеченским именем "**Мовсар**", хотя чеченцем не был. И матерились ужасно, даже при мне (а я уже не молод, мне 52 года), говорили женщинам ужасные слова.

Кстати, село наше в шутку называют "*Ивановкой*" потому что мы всегда были законопослушными.

Раиса Ивановна Сулейманова:

“26 августа наше село заполнилось солдатами. До этого у нас уже было много проверок, мы к этому привыкли, к плохому быстро привыкаешь, как и хорошему.

Женщины из нижней части села начали кричать: "Спуститесь сюда!" Оказалось, что забрали брата моей соседки, который шел с похорон.

Вскоре федералы пришли к нам в дом, все посмотрели, проверили документы, все было в порядке. Однако неожиданно решили забрать моего сына. Когда я спросила, на каких основаниях, мне ответил: "Там разберемся". А кто этому поверит? Я сказала, что поеду с ними, и залезла в машину вместе с сыном. Один из военных говорит: "Что вы тут устраиваете клоунаду?". Я сказала: "Это не клоунада, если бы ваша мать была на моем месте, она сделала бы то же самое, я сына не отпущу". Что они мне говорили, как ругались, когда я пыталась остановить их! И все это при людях, а ведь я здесь больше 30-ти лет живу и работаю в школе. Здесь каждый житель - мой бывший ученик, а меня при них оскорбляли!

Я им так и сказала: " Вы себе врагов наживаете!"

Тогда военнослужащие предложили, чтобы поехал отец. Мы согласились. После того как они уехали, я по другой дороге поднялась наверх, туда, куда они направлялись. Вместе со мной были женщины из нашего села. Наших сыновей допросили и отпустили, я думаю, это потому, что они поняли, что мы не уйдем и не дадим им издеваться над детьми.”

Сельский фельдшер:

“26 августа у меня забрали печати, лекарства, которые нам выдавали как гуманитарную помощь, взяли носилки. Об этом мы заявили в местную администрацию.

Федералы вошли в мечеть в грязной обуви и забрали оттуда брезент и носилки, которые нужны нам для похорон. Мы просили, чтоб они не трогали мечеть, но для них это был пустой звук. Из мечети, расположенной при верхнем кладбище, тоже унесли брезент.”

Житель села, пожелавший остаться неизвестным:

“Один из наших соседей в данное время не проживает дома. Когда офицер увидел, что дом заперт, он отдал приказ оцепить и сжечь его. Я попросил военных, чтобы они не делали этого, дал офицеру ключи, и сказал: "Я как за свой дом отвечаю за него, если вы там найдете что-нибудь предосудительное, покажите мне". Он не ответил, приказав нам разойтись. Я пошел домой, но на душе все-таки было беспокойно. Вышел за ворота, и увидел, что на меня наведено дуло пулемета. Пришлось вернуться обратно. Через несколько минут над крышей соседского дома показался дым. Я побежал туда и увидел, что военные выносят вещи и грузят их на свою машину.

Еще несколько домов они закидали гранатами и обстреляли из автоматов.”

“ЗАЧИСТКА” В ПОСЕЛКЕ ЧЕРНОРЕЧЬЕ

(30 августа – 1 сентября 2000 г.)

Материал составлен на основании опроса жителей поселка Черноречье (пригород Грозного), проведенного сотрудниками Правозащитного центра “Мемориал”

С 30 августа по 1 сентября 2000 года, военнослужащие внутренних войск МВД РФ (по словам очевидцев, солдаты говорили, что они из “Шамановской бригады”) производили в поселке Черноречье (пригород Грозного) “зачистку”.

Радио Чеченской Республики сообщало, что “зачистка” была произведена совместно с чеченским ОМОНам и без всяких осложнений, что в ходе операции было задержано 42 боевика и изъято большое количество оружия. По сообщению агентства "Интерфакс" от 31 августа глава администрации Грозного Суньян Мохчаев сообщил журналистам, что он был заранее поставлен в известность о запланированной проверке, что представители городских властей наблюдали за действиями военных, бечинств по отношению к местному населению зарегистрированно не было.

Однако сами жители Черноречья утверждают, что во время “зачистки” они не видели не одного представителя чеченского ОМОНа. По их словам, в эти дни были взломаны все квартиры, в которых по той или иной причине хозяев не было. Солдаты занимались грабежом: отбирали деньги, на грузовиках вывозили мебель, аппаратуру, бытовую технику.

Все три дня поселок Черноречье был закрыт для выхода из него людей. Зайти в него со стороны поселка Алды разрешалось лишь проживавшим там людям и их родственникам. При этом военнослужащие вносили за проход по 100 рублей с человека.

При проверке документов военнослужащие нередко, еще не посмотрев их начинали бить молодых мужчин и подростков. Даже при наличии паспорта и местной прописки, многих мужчин, особенно молодых, задерживали и уводили в район автомобильной заправочной станции, расположенной рядом с этим населенным пунктом. Там их поместили в пустые цистерны.

По крайней мере, одного из задержанных мужчин привязали к БТРу и протащили по окраине поселка на глазах у жителей.

Как позже рассказали сами задержанные, их жестоко избивали и пытали, в том числе, электрическим током. При этом человека обливали водой, а провода при помощи металлической прищепки прикрепляли к уху, языку и гениталиям. Процедура эта называлась “звонком Масхадову”.

При помощи пыток у задержанных пытались добиться либо признаний о том, что они сами являются снайперами или пособниками боевиков, либо аналогичных показаний на соседей.

В цистернах задержанные провели сутки, потом часть из них, по-видимому тех, кто не выдержали пыток и истязаний и подписал заявление о том, что он является боевиком или пособником боевиков. Более 17 человек военные увезли в Урус-мартановский район и там от полутора до пяти суток содержали в ямах возле села Танги-Чу.

Большинство из задержанных были раньше или позднее освобождены, но многие из них после избиений не могли самостоятельно передвигаться.

Важно отметить, что, немалая часть задержанных была освобождена в обмен на автоматы, которые родственники задержанных должны были "добровольно сдать" военным. По словам жителей Чечни, это оружие они часто покупали у тех же российских солдат.

По словам отпущенных задержанных жителей Черноречья, они видели около цистерн два лежащих на земле трупа.

У всех освобожденных были взяты расписки, в которых имелся пункт: "никаких претензий не имею". В то же время, родственники отпущенных задержанных обнаружили на их телах ожоги, ушибы, резаные раны.

По некоторым свидетельским показаниям, в цистерне находились так же и женщины в возрасте от 16 до 30 лет. Их не отпустили, и сведений о них нет.

Установить точное количество пострадавших, задержанных невозможно, так как во время зачистки в поселке было много людей из разрушенных сел, проживавших без прописки, у своих родственников.

*После произведенной "зачистки" пострадавшими жителями поселка, было составлено заявление на имя **А. Кадырова** с приложением копий в различные правоохранительные органы республики. Всего под этим заявлением подписалось 38 пострадавших от пыток людей. Но впоследствии, из-за страха преследования, некоторые из них отказались от своих подписей в заявлении.*

Мы не можем утверждать, что все задержанные в эти дни в Черноречье не имели отношения к чеченским вооруженным формированиям, противостоящим федеральным силам. Однако совершенно очевидно, что задержания проводились неизбежно по принципу - "вначале нахватать побольше людей, а потом выбить из них признание". Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что абсолютное большинство задержанных раньше или позднее после избиений, издевательств и пыток были освобождены.

Мы не можем утверждать, что все "изъятые в ходе спецоперации оружие" было куплено родственниками задержанных (а по суду - ЗАЛОЖНИКОВ) у самих же военных. Возможно таким образом удалось изъять и часть действительно спрятанного оружия. Но очевидно, что федеральными силами в Чечне широко практикуются ВЫМОГАТЕЛЬСТВО И ЗАЛОЖНИЧЕСТВО. И как обычно в делах подобного рода неизбежно появляется фигура посредника (см. показания Хамзата). Вполне очевидно,

что важнейшим стимулом, толкающим военнослужащих и сотрудников МВД на эти незаконные действия, является нажива.

При этом важно отметить, что даже по показаниям самих жителей Черноречья, далеко не все военнослужащие или сотрудники МВД РФ одобряют сложившуюся античеловечную и антизаконную практику.

Ниже приводятся рассказы жителей Черноречья:

Тимур:

"Меня, с моим товарищем **Муратом**, 30-го августа военные задержали на улице, недалеко от дома. У меня в кармане они нашли перочинный нож и стали обвинять меня в том, что я хотел напасть на работника внутренних дел.

Нас - меня и еще четверых человек - поставили к стене дома, приказали широко расставить ноги, а руки прижать к стене тыльной стороной, ладонями внутрь и начали избивать. В таком положении при ударе удержаться на ногах практически невозможно. Мы падали, они били нас ногами в грудь и заставляли встать снова. Избиения продолжались, примерно, полтора часа. После этого нас погрузили на "воронок", и привезли на заправку. По пути военные погрузили в "воронок" еще троих парней, которые также были избиты

На заправке они продержали нас около получаса. А потом по одному нас к себе вызвал офицер, и сказал: "Скажешь, что тебя отпустили за отсутствием улик, давай бегом отсюда". Нам повезло больше чем другим, избili нас только на месте. Отпустили всех пятерых. "

Мурзабеков Руслан:

"В этот день мы все были дома. Вошли военные, все в доме перевернули, проверили документы, а потом вышли. За ними вышел и я тоже. Вдруг в подъезде раздались выстрелы, как потом оказалось, они же сами и стреляли.

Нас с **Зауром**, моим младшим братом, военные тут же схватили и вывели на улицу. Отцу они сказали, чтобы не волновался, нас проверят и отпустят. С нами взяли и соседа Руслана.

Нас раздели по пояс, стали проверять, нет ли следов от оружия на теле. У меня был шрам на плече, и, хотя он нисколько не похож на след от оружия, они потребовали признаться, что я - снайпер. Я говорил, что не имею к боевикам никакого отношения, но они били меня, и твердили свое. Младшего брата военные несколько раз ударили по шее, а ему всего 17 лет. Они это знали, потому что видели наши документы.

Военные увидели в это время еще троих ребят, проходивших мимо. Они приказали им остановиться, раздеться по пояс, и стали бить прикладами по почкам и пинать ногами. У всех забрали документы, и повели на перекресток. Там нас остановили, хотели посадить в машину. Но ее долго не было, и они

приказали бежать оттуда. Брат сейчас чувствует себя очень плохо. Он лежит в больнице."

Мурзабеков Борис (отец):

"30-го сентября военные забрали двух моих сыновей, **Руслана и Заура**, завели их за угол и сильно избили. Мне сказали, мол, не волнуйтесь, с ними ничего не случится. Но когда их привели обратно, они выглядели ужасно.

Потом забрали двоих других: **Бислана**, 19-ти лет, и **Рустама**. Когда соседка Раиса попыталась заступиться, у нее спросили: "У тебя есть сыновья?" Она показала на мальчиков 10-ти и 11-ти лет: "Есть, вот они еще маленькие." Ей тогда говорит их командир: "Положите автомат. Если не положите, я твоих чад заберу".

Я пытался остановить их, один говорит: "И его заберем". Но другой сказал: "Не надо".

Потом прибежали моя сестра и племянница, стали просить, чтоб ребят не забирали, а им ответили, что если мы через десять минут положим автомат, их отпустят, и пояснили: "У нас приказ, всю молодежь забрать!"

Бислана не просто избивали, его тащили по дороге, привязав к БТРу, до леса. В рот ему влили около стакана нитрокраски, пытали током, потом привезли к заправке и бросили там.

Когда мне женщины сказали, куда повезли наших ребят, я собрал все деньги, что у нас были 4600 рублей и пошел к блок-посту, который стоит у дамбы. Мы каждый день видим этих солдат, я надеялся, что они мне помогут. Вместе с женщинами я пошел к ним и предложил, оставить себе 600 рублей, а 4000 отдать тому, кто может выручить моих сыновей. Они ответили, что ничего сделать не могут, и сказали, чтобы я уходил. Я даже прослезился, чтобы разжалобить их. Тогда они предложили мне поговорить с "Олегом". При этом сказали, что деньги передадут ему, а себе ничего не возьмут. Потом они поговорили между собой, и один из них сказал: "Я сделаю все так, что вам копейки отдавать не придется".

Они вызвали того, кого называли "Олегом". Это был стройный, симпатичный, довольно разговорчивый человек, ни одного плохого слова мне не сказал. Повел меня на заправку, и по дороге я рассказал ему, что у меня двух сыновей избили, а еще двоих забрали. Я показал на **Бислана**, который как раз неподалеку лежал без сознания. "Олег" сказал, что ничего не знает о том, как это произошло. **Бислана** он разрешил забрать. Где находится **Рустам** он не знал.

Бислан не мог идти сам, женщины накрыли его чем-то черным, и принесли домой. Он говорит, что смутно понимал, что в рот ему вливали краску. У него на голове за ушами были следы пытки электротоком.

Это не люди были, они хуже зверей."

Мурзабеков Рустам (сын Мурзабекова Бориса) :

"Обычно зачистку начинают в четыре часа утра, при этом военные полностью оцепляли квартал. На этот раз они приехали в 9-ть или 10-ть часов. Оцепили наш дом, и зашли на лестничную площадку. Потом они начали стрелять в квартиры пятого и шестого этажа дома напротив. Мне и соседу с пятого этажа, **Хасмагомеду**, военные приказали идти вперед и открывать для них двери квартир. Они боялись первыми прикасаться к дверям. Но как только видели, что это не опасно, ломали двери, входили вовнутрь и брали оттуда все, что хотели.

Оказалось, что шли две группы военных: одна снизу, а другая сверху. Те, что шли сверху, перелезли с крыши соседнего дома и спускались вниз. Я поднимался, когда они остановили меня. Они спросили, откуда я иду, потом раздели и стали проверять. Я сказал, что меня уже внизу проверяли, но они и не думали слушать. Сопротивляться же было бессмысленно.

Потом они зашли со мной в нашу квартиру, забрали меня, моего брата и соседа, вывели вниз и посадили в "воронку". Подбежали женщины, хотели нас отбить, но это было бесполезно. Нас привезли к заправке, забрали паспорта и по очереди стали заводить в палатку. Я слышал крики о помощи, которые доносились оттуда. Кричали по-русски и по-чеченски. Когда подошла моя очередь, солдаты натянули мне на голову футболку, и завели в палатку. Сквозь нее я мог видеть только тени. Меня поставили в угол и сказали, что, если двинусь, будут бить.

Там были парни из нашего поселка. Некоторые из них были раздеты догола, другие что-то писали у стола. Всего – пять человек. Меня спросили о каком-то **Цагараеве**. Я никогда о нем не слышал, а дознаватель не верил мне и требовал, чтобы я о нем все ему рассказал. Он говорил, что **Цагараева** знает весь мир. Я посоветовал спросить "у мира". Меня начали бить по ногам, по телу, по голове. Когда я уже терял сознание, мне давали немного отдохнуть и опять начинали бить. Сознание я все-таки потерял. Тогда они сняли с меня обувь, сели на спину и стали бить по пяткам.

Помню, как к моим пальцам они подсоединили провода от какого-то источника тока. Сначала разряды были слабые, потом стали сильнее. Пытка током повторялась через каждые сорок минут. Я несколько раз терял сознание.

Когда пришел в себя, увидел в палатке ребят из гудермесского линейного отдела милиции. Были задержаны и сотрудники грозненской милиции - из Патрульно-постовой службы. Они все были в трусах, форменную одежду у них забрали. Забрали у них удостоверения, права и машины. Там были даже мужчины старше 50-ти лет.

Потом я узнал голос младшего брата. Он кричал от боли. Я стал просить, чтобы его оставили в покое. Они заставили меня написать записку отцу, чтобы он дал за нас автоматы. Такую же записку написал **Хасмагомед**, мой сосед. У него три ребра сломаны.

Меня отпустили без выкупа, а жена **Хасмагомеда Мадагова** заняла деньги и купила автомат за пять тысяч рублей. Где его купить, подсказал "Олег". Нас заставили расписку написать о том, что мы претензий не имеем.

Моего брата **Бислана** увезли в лес, потом привезли на заправку и скинули там, где маленькая мечеть.

Когда меня выпускали, мне кинули обувь брата. Мне сразу плохо стало, я подумал, что его в живых нету."

Анги:

"30-го августа я был во дворе дома. Туда же подъехали и остановились два БТРа. Среди тех, кто из него вышел, один был с видеокамерой. Он начал снимать все, что потом происходило. У меня военные потребовали документы, потом завязали глаза и посадили в БТР. Пока глаза не были завязаны, я видел, что они все снимают на видеокамеру. Уверен, они снимали и все, что последовало дальше.

Военные заявили, что они нашли у меня магазин от автомата. Спросили, где он сам. Я ответил, что мне об этом ничего неизвестно: если они нашли магазин, значит, смогут найти и автомат. Тогда они в доме все перевернули. У меня были запчасти к машинам, я работал то водителем, то главным механиком, и кое-что скопил. Так они все запчасти унесли с собой. Потом забрали и моего младшего брата, **Ризвана**.

Военные привезли меня и других задержанных в лес, и стали допрашивать. Спрашивали, где боевики и оружие. Я сказал, что ничего не знаю. Они поставили меня на колени, автомат в спину уперли и спрашивают снова. Я сказал, что это бесполезно: я все равно ничего не знаю.

За руки, связанные сзади, они меня подвесили на дереве, и стали бить дубинками. Опускали на землю, задавали те же вопросы, и когда видели, что я ничего не могу сказать, поднимали и снова били дубинками. Это продолжалось несколько часов. Избили с головы, что я не мог стоять на ногах. Когда они меня ненадолго спускали с дерева, они все равно меня били, но уже ногами и прикладами автоматов.

Потом нас на вертолете отвезли в *Танги-Чу* и бросили в яму. Яма размерами 2 на 3 метра была обложена шлакоблоками. Сверху были положены две плиты и трубы, но они не закрывали яму полностью. Шел дождь, и вода стекала прямо на нас. На дне ямы были лужи. Вместе со мной и братом там оказалось 17 человек, все задержаны были в *Черноречье*. Там были даже милиционеры из временного отдела внутренних дел Ленинского района и из линейного отдела милиции г. Гудермес.

Я находился в таком состоянии, что задержанные были вынуждены позвать врача. Врач не нашел у меня пульса и удивился, что я еще жив. Прямо там, в

яме, он поставил мне капельницу. Так и лежал я в луже воды под капельницей. Ребята наши при этом держали флакон с лекарством.

Я пробыл там больше суток. Брата же военные отправили за автоматами, на которые нас и обменяли на следующий день.

Когда я вернулся, сначала мне помогла моя соседка, а потом только обратился в больницу. Там я находился около месяца."

Надя, соседка Апти:

"Когда я пришла к **Апти** и увидела, в каком он состоянии, я просто ужаснулась. У него вся спина, поясница в области почек, ягодицы, ноги и пятки, ну все было черными от побоев. Особенно страшно выглядело место, где находится солнечное сплетение. Нетронутым оставался только живот.

У меня была очень хорошая мазь, и я начала ему тихонько ее втирать с молитвой. Мазь помогла. На следующий день **Апти** выглядел немного лучше.

Это очень хороший человек, всегда помогал нам. Он дал мне муки, когда у меня она кончилась."

Ризван:

"Когда нас распределяли на заправке, сказали, чтобы те, кто из *Урус-Мартана*, отошли в одну сторону, а чернореченцы - в другую. Паспорта наши уже были у федералов. Некоторые подумали, что тем, кто из *Урус-Мартана* отношение будет мягче, и сказали, что они оттуда. А получилось наоборот.

Нас сначала привезли в комендатуру Заводского района Грозного, но там не приняли, потом повезли в *Урус-Мартан*. В комендатуре, военным, которые нас привезли, сказали, чтобы они забирали нас с собой, в *Танги-Чу*.

В *Танги-Чу* нас с братом держали в яме до вечера. Брату поставили капельницу, когда у него уже пена пошла изо рта. Потом мне сказали, чтобы я пошел за автоматами, а брата оставили заложником."

Хамзат:

"В тот день, когда была зачистка, я стеклил окна, подрабатывал, одним словом. К нам вошли военные, спросили, где я живу. Я ответил, что на 8-м этаже. Они мне приказали открыть двери. Когда я открыл, они посмотрели и приказали идти с ними. Я сказал, что меня уже не раз забирали и проверяли. Соседка, русская женщина пыталась заступиться, но они сказали ей, что меня просто проверят и отпускают.

Забрали нас троих: меня, моего брата **Якуба** и двоюродного брата **Арби**. **Арби** в городе тоже, как и я, вел ремонтные работы, а в тот день приехал ко мне в гости вместе с братом.

Вывели нас за дом, там стояли другие федералы, и приказали снять рубашки. У меня на плече и спине был шрам от ожога, полученного при сварке. Из-за него и

из-за мозолей на руках, они сразу решили, что я снайпер и приказали идти с ними.

Я пытался объяснить, что зарабатываю на жизнь ремонтом, а тут без мозолей не обойдешься, что все соседи могут сказать, кто я и чем занимаюсь, но они меня не слушали. Посадили в БТР и привезли на заправку.

Сколько человек было в подвале заправочной станции, сказать невозможно, потому, что людей все время меняли. Одновременно там находилось от 15 до 20 человек. Там были даже ребята из чеченского ОМОНа. Они хотели нас выручить, и тоже попались.

Непонятно почему, мне приказали сдать винтовку. Я сказал, что винтовки у меня нет, и никогда не было. Мне ответили, что сейчас заведут в палатку, тогда посмотрят, была она у меня или нет.

Обмотали рубашкой голову и завели в палатку. Там прицепили провода на руки, и стали крутить полевой телефон. А он вырабатывает ток напряжением в 180-190 вольт. Давали разряд, потом останавливались и задавали свои вопросы. Спрашивали, в основном, про винтовку.

Позже спросили, знаю ли я **Цагараева**. Я сказал, что знаю только понаслышке. Они вроде удивились, что я его не знаю. А потом продолжили пытки током.

Видимо, им надоело со мной возиться, и они завели в палатку кого-то другого. Меня на время оставили в покое. По голосу, мне показалось, что это был **Анзор**. Рядом же, как я понял, находился **Арби**. У него военные тоже спрашивали про винтовку. Он говорил, что ничего не знает. Его тоже били и мучили. Он кричал. Помочь ему, конечно же, я не мог.

Арби куда-то увели, потом обратно его привели и мне уже говорят: “Сейчас снимем с тебя брюки и палкой ...” Они сказали, что будут делать палкой. Я стал сопротивляться, насколько мог. В этот момент зашел какой-то милиционер, и он прекратил это.

Рядом со мной были **Анзор** и **Арби**, и я еще не знал, что с ними произошло. Меня снова стали спрашивать, куда я дел винтовку. В это время с кем-то они проделали палкой то, что обещали проделать со мной. Видеть я ничего не мог, но я слышал и крики, и как потом они сказали: “Ты еще пачкать тут будешь!” После этого посыпались удары.

Я вспомнил, что у меня дома, в *Урус-Мартане*, от деда двустволка осталась. Документы на нее были в порядке. Я сказал об этом, но не дал адреса, а предложил повезти меня домой, так как, кроме меня, никто не знает, где она находится. На самом деле двустволка лежала дома открыто, при зачистках ее видели, и вопросов ни у кого она не вызывала. Но мне нужно было дать знать родственникам, что произошло с двоюродным братом.

Они вызвали вертолет, закинули меня в него и повезли в *Танги-Чу*. Там, где у них ямы, опять стали бить.

После этого привезли в **Урус-Мартан** и я отдал им двустволку. Сообщил родственникам, что **Арби** в руках федералов и они над ним страшно издеваются.

А федералы снова стали требовать у меня винтовку. Я показал на двустволку и сказал: “Вот она и есть, если это вам подходит”. Забрали снова в яму, опять “телефон” привезли, снова начали пытаться током. У меня на руках были наручники, они намотали на руки провода чуть выше и дали сильный разряд. Наручники нагрелись и у меня появились на руках ожоги. Их следы до сих пор остались. Я уже не мог ни стоять, ни сидеть, я лежал на дне ямы в луже, а они продолжали свои “развлечения” током. Прыгали на мне, били сапогами. Потом они наручниками прицепили меня к крюку в стене и снова били. Оставили меня в покое только тогда, когда это им надоело.

Сначала в яме я был один. На следующий день, еще до рассвета, ко мне бросили троих ребят. Они были из *Урус-Мартана*. За что их забрали, они не знали. Одного звали **Асланбек**, как других - не знаю, разговаривать было невозможно. Наверху сидел охранник, он не давал нам и рта раскрыть.

Это были двое братьев и их дядя. Дядя работал в органах внутренних дел. Те, кто их привез, сказали ему, что, выпустят, когда за них отдадут по автомату. Он ушел за автоматами, через некоторое время мы поняли, что автоматы отдали и их всех отпустили.

Потом привели еще двоих. Их били очень сильно, одному сломали нос. За одного дали автомат, а за другого - пистолет и их тоже выпустили.

Потом на вертолете привезли еще пятерых из Черноречья. В яме их не били, но они до этого уже были сильно избиты. Один из них не мог ни сесть сам, ни встать. Он был по национальности - ингуш. Приехал в гости к парню из *Черноречья*, **Асланбеку**, который до этого жил у них в Ингушетии в качестве беженца. У него в гостях оказались еще трое молодых парней - родственников, и вот их всех забрали. **Асланбека** охранники называли “бригадиром”. Приехали его родственники и дали по автомату за каждого, потому что те парни были у них в гостях. Но выпустили только четверых, а **Асланбека** оставили, сказали, что за него командующий просит еще ствол.

Вечером они принесли нам поесть, потом мне голову завязали и забрали опять на допрос. Снова пытали током, прицепив на этот раз провода за уши. Требовали при этом сказать, кто меня заставил работать на боевиков. Предупреждали, чтобы я не называл **Радуюва**, потому что они его уже взяли. Допрашивали, пытали током, а потом сказали: “Ведите его на расстрел”. Начертили на земле какой-то круг, ходят рядом, переговариваются. Все это довольно долго продолжалось, пока я не сказал: “Ребята, если вам это уже надоело, отведите меня обратно в яму”. Слышу шепот: “Утром часов в шесть расстреляем, если не заговорит”. Это было сказано так, чтобы я услышал.

Отвели меня в яму, зацепили руками в наручниках за трубу, которая проходила поверху. И оставили. Шел дождь. Я не мог ни сесть, ни лечь. Даже

прислониться к стенке не мог, по ней текла вода. И стоять не мог спокойно, боль в теле не проходила. Думал о матери, ее в день, когда нас забрали, положили в больницу.

Утром, когда рассвело, зашли ко мне и спрашивают: “Ну, что надумал?” Я ответил, что мне нечего сказать. Они ударили меня пару раз и ушли. Потом зашли часов в восемь. Опять спрашивают. Я снова ответил, что мне нечего сказать.

И так продолжалось часов до двух дня. Придут, побьют и уходят. Все это время я оставался в том же подвешенном положении. Потом вызвали на допрос. Я снова сказал, что мне нечего сказать. Приказали идти на расстрел. Я сказал: “Но чтобы я ваши глаза видел, когда будете стрелять”. “Пошел вон!”, - крикнули они.

Потом привезли еще 16 человек. Среди них был мой брат: родной и двоюродный. “Надо и над вами немножко поработать”, - сказали им.

Ребята рассказали, что кого-то федералы взяли из-за того, что их лица им не понравились. Кого-то, за то, что слишком здоровые, на их взгляд. Там лежал и больной **Апти. Ризвана**, его младшего брата, послали за оружием. Когда он его принес, выпустили и **Апти**.

Стали выпускать тех, за кого отдавали оружие. Парня из села Гойты, еще одного из *Урус-Мартана*, и нас троих, выпустили, сказав, что оружие за нас принесли.

Я приехал домой, искупался. Врач пришел, посмотрел меня, сказал, что срочно нужно лечь в больницу. Потом пришел **Гадаев Руслан** из урус-мартановской администрации, сказал, чтобы я написал заявление, а он утром зайдет. Приходили соседи. Кто деньги приносил на оружие, кто просто сочувствовал.

Утром, пока еще не рассвело, наш дом окружили. Меня забрали и снова посадили в яму. Я спрашиваю, за что? Мне сказали, что мною заинтересовался главноком. Фамилии его они не называли, они вообще ничьи фамилии и звания не называют. Погон тоже не носят.

В яме нас оставалось теперь четверо: **Алхазур, Хасан, Асланбек** и я. Сказали, что за нас автоматы еще не принесли. Потом привели еще одного парня, он был из *Старых Атагов*.

Я попросился в туалет. Они обещали повести, когда уйдет начальство. При начальстве они нас даже в туалет не выводили. Когда начальство уехало, повели меня солдаты срочной службы, и говорят: “Настаивай на своем, говори, что за тебя оружие отдали, если бить начнут, делай вид, что сознание потерял, чтобы тебя не били”. Они к нам хорошо относились. Когда охранники нас не кормили, они даже консервы воровали у своих и приносили нам.

Измывалась в основном контрразведка. “Главком” так и не появился, видимо, потому что вокруг были зачистки. На второй день к нам бросили парня из *Рошни-Чу*. Мы узнали его, он был душевнобольным, и сказали об этом солдатам, охранявшим нас. Попросили передать своему начальству.

Больной парень немного говорит по-русски. Когда его привели и спросили фамилию, он сказал: “Березовский”. И вот его забрали на допрос. Немного позже, солдаты нам говорят, что он о каких-то подводных лодках рассказывает.

Через час или полтора, всего избитого, в синяках и в крови, его снова закинули в яму. Голова и нос у него превратились в сплошную рану, невозможно было даже узнать его. Мы спросили солдат, почему они не передали, то, что мы им сказали? Они ответили: “Мы все сказали тем, кто пытается. Но им все равно, кто перед ним. Они и над нами точно так же издеваются. Когда в яме никого из чеченцев не оказывается, они нас туда бросают, избивают, и током бьют! Им все равно над кем издеваться”.

Тогда мы попросили, чтобы они хотя бы врача привели. Врача к нам привели, и он обработал парню раны. Через час или два приехали родственники и забрали его. Я спросил у врача, как такое могло произойти. Он пояснил, что его на допросах не бывает, и он не может знать, что там происходит. Зовут его, когда кому-то становится очень плохо.

На этот раз я пробыл там три дня. В первый раз меня выкупали при помощи посредника - Костя его зовут. А на второй раз он не сразу поехал за мной. Потом на базаре женщины мне сказали, что его самого то ли в яму посадили на три дня, то ли еще что-то с ним сделали. Потом опять он меня выкупал. Снова пришлось дать автомат, но отец не говорит мне, сколько на меня потратил. Знаю только, что в первый раз за меня федералы требовали пять автоматов, а на второй - только один.

Когда я сидел в яме, солдаты сказали, что ту воинскую часть, которая задерживает и бросает в ямы людей, собираются выводить. Им, яко бы надо выполнить план по сбору оружия у людей."

Ваха:

"30-го сентября во время зачистки военнослужащие забрали двух моих сыновей: **Ислама и Бислана**. Через некоторое время они приехали снова и заставили старшего сына, который оставался дома, копать в нашем огороде. Оказывается, Ислам сказал им, что у нас дома закопано оружие. Вот они и пришли к нам с миноискателем. Но ведь здесь после бомбежек столько всякого железа в земле, что миноискателю доверять нельзя.

Я сказал сыну, чтобы он отдал им лопату, это их хлеб. А им заметил, что, наверное, лучше всех знает, где находится оружие тот, кто его туда положил. Почему бы им ни привезти сюда того сына, который сказал им об этом? Они переглянулись и уехали. Потом приехал полковник и сказал: “Отец, не давай им оружие, даже, если оно у тебя имеется. Иначе, потом к тебе постоянно приходить будут”. А у меня его все равно нет.

Через некоторое время пришел мой младший сын, **Бислан**, тот, которого военные незадолго до этого забрали, и говорит, что за каждого из них требуют автомат. Он сказал, что обратно все равно не вернется, потому что их там

шомполами били, пытали током и держали в цистерне из-под бензина. Но если не принести автоматы, то не отпустят Ислама.

Тут стали собираться соседи, предлагали деньги вместо оружия. Но федералы сказали, что денег не берут, берут только автоматы. На четвертый день Ислама все-таки отпустили, хотя автомат мы так и не дали. Потом, те, кто приходил на зачистку, уехали.

Люди говорили, что это были шамановцы. Они вообще человеческого языка не понимают. Что ни скажи, кричат: "Молчать!" Мальчиков несовершеннолетних и тех избивали дубинками. Брали из квартир все, что хотели. У одной женщины забрали пенсию. Она не побоялась, пожаловалась начальству. Их догнали на базаре, забрали деньги, но 200 рублей из 800 они уже потратили. Я им так и сказал: "Фашисты не делали то, что делаете вы".

Ислам:

"В тот день 30-го августа часов в 11, когда началась зачистка, наша семья была дома. Подъехали военные на БТРах, начали ругаться грязными словами. Спросили имя и фамилию, забрали нас с братом **Бисланом**, завязали наши лица и повезли в сторону родников.

Там нас положили на землю и стали бить. Спрашивали: "Где оружие, где боевики?". Мы ничего не знали. Они стали нам делать ласточку: за связанные сзади руки поднимали вверх. Опять спрашивали: "Где боевики, где наркотики, почему не воюете?"

Потом повезли на заправку. Там было человек 40 наших соседей и знакомых из *Черноречья*. Завели в палатку. Спрашивали там о том же самом, что и раньше. Мучили нас нечеловечески.

Сначала избили. Это продолжалось примерно полчаса. Били ногами, но старались не попадать в лицо. Потом начали пытаться током. В уши, в рот совали провода, лили воду, чтоб боль была сильнее. Я ничего не мог им ответить. После этого электроды присоединяли к половому члену и включали ток. Я раза 2-3 терял сознание. Меня обливали водой и начинали снова.

Потом стали угрожать, что пустят на меня собаку и недостойными словами, говорили о том, что она со мной сделает. Они говорили, чтоб я признался в том, что я боевик. Я говорил, что, если это не так, то я должен соврать?

Они заставили меня сказать, что у нас в огороде закопано оружие, хотя на самом деле этого не было. Под такими пытками можно признаться в чем угодно. После пыток меня закинули в подвал заправочной станции, а брата сначала хотели увезти куда-то, но потом послали за оружием. Он и так у нас больной, слабый. Я ему и до этого три раза кровь давал. А они ему ребро сломали.

Мне угрожали изнасилованием. Я сказал, что, если они это сделают, то я обязательно их найду и отомщу. Потом они меня вывели часов в семь-восемь вечера и начали еще сильнее бить.

В подвале было так тесно, что не было места лежать. В туалет не выводили, приходилось все делать там же. Просили мы воду, еду, но они первые полтора суток вообще ничего не давали. На просьбу о воде и еде угрожали, что снова начнут бить током. Потом от родственников начали записки передавать, еду, но половину себе оставляли.

Всех нас заставили написать заявление, что претензий к ним не имеем. Кроме нас там было много людей, видеть мы ничего не могли, но слышали ужасные крики боли. Находясь в подвале, слышали крики женщин, над которыми издевались на заправке.

Тех парней, которые работают в структурах органов внутренних дел, они особенно сильно избивали. Одного вытащили даже ночью и закинули обратно без сознания.

Солдаты говорили, что они "шамановские", и что они мстят за своих погибших. По разговорам это был сибирский спецназ."

Дени (имя изменено по просьбе пострадавшего):

"Зачистки были у нас и раньше. Приходили и проверяли. Спрашивали про оружие и наркотики, спокойно разговаривали и уходили. Но в этот раз происходило что-то особенное. 30-го августа все было по-другому.

О том, что идет проверка в поселке, я знал. Знал и то, что наверху уже многих парней забрали. У меня даже была возможность дворами уйти на другую улицу, где они уже были. Но я не чувствовал за собой какой-либо вины, и потому не думал убегать.

Утром я видел, как несколько молодых парней 16-18 лет вышли на дорогу и повернули обратно, увидев там федералов. Не хотели, видимо, с ними встречаться. Те крикнули им, чтобы они остановились, а мальчишки испугались и побежали еще быстрее. Федералы начали стрелять из подствольника, и одного из ребят ранили.

Когда они вошли в наш двор, я был один. У меня с собой была пенсия отца, 1600 рублей. Один из проверяющих увидел деньги и спросил, откуда они. Я объяснил. Федералы стали утверждать, что я информатор боевиков, и за это деньги получаю.

Я сказал им, что во время войны меня в городе не было, что я еще с декабря нахожусь в Моздоке. Попытался объяснить, что у меня все документы в порядке и что я прошел компьютерный контроль. Сейчас приехал домой крышу починить. Они мне говорят: "Знаем мы, как вы днем крышу чините, а ночью по нам стреляете!" Потом у меня во дворе нашли какие-то патроны, лимонки. Я понимаю, если бы они нашли 1-2 патрона, они везде валяются, но откуда мог взяться целый арсенал, да еще и гранаты, я не могу понять.

И сразу началось: "На землю, лицом вниз!" Прикладами начали бить, завязали какой-то тряпкой глаза, связали руки, ствол уперли в бок, другой в ногу и стали

угрожать: "Сейчас мы тебе это отстрелим, сейчас мы тебе то отстрелим!" У них в разговоре 80 процентов матерщина, а остальное - белиберда.

Я им пытаюсь сказать, что у меня никаких патронов не было, а они мне в ответ: "У тебя есть автомат 7,62. Если не скажешь, где он, мы тебя изуродуем!" Один сел на меня сверху и вывернул голову, другой прикладом автомата нанес удар в лицо. Выбили мне несколько зубов.

Потом слышу, как они говорят по рации, что у меня нашли патроны. Сообщили также, что я живу один. В общем, представляют меня информатором. Видать, от них потребовали привезти меня. Деньги мои они пересчитали, и обратно в карман положили.

Перед тем как выходить, один из военных говорит: "Подождите, пусть пройдут". Видимо, в этот момент кто-то по улице проходил, и они не хотели, чтобы люди знали, что меня забирают. Остановились, и в этот момент кто-то из них вытащил деньги из моего кармана.

Потом меня закинули меня в БТР и привезли на заправку. А то, что там, на заправке творилось, это страшное дело! Здесь опять стали требовать автомат. Я говорю, что у меня его нет, а они не слушают.

Составили протокол задержания, а там написано, что у меня нашли патроны и гранаты. "Не хочешь говорить, сейчас ребята придут, заговоришь". "Ребята" пришли, и началось. Говорят: "Звони **Масхадову!**" Провод закладывают за ухо и бьют током. Трясет так, что кажется, как будто глаза вылезают из орбит. Когда снимают повязку, и ты видишь перед собой человека, кажется, что он красный, как будто горит.

От нас самих требовали закладывать провод за ухо, но это же невозможно. Тогда они ставили на колени к столу, садились на плечи, зажимали, второй в это время заламывал ногу и подсоединял провода к половому члену. Через это почти все прошли. И через задний проход вводили провода и били током. Бьют током, теряешь сознание, приходишь в себя снова от разряда тока. И при этом говорят, что я прикидываюсь.

Руки сковывают наручниками и подвешивают за наручники к потолку на крюк. И бьют в таком положении. У меня спереди руки были скованы, а у некоторых сзади. "Висели" на крюке по несколько часов. Что за помещение, где нас держали, я не знаю, потому что мне на голову натягивали рубашку, голову выворачивали так, чтобы ничего не мог видеть. Когда меня в первый раз подвесили и ударили прикладом по печени, у меня будто вспыхнуло огнем внутри. Я думал, что не выдержу, умру.

Зажимали пальцы какими-то железками и ломали. У меня до сих пор следы остались, но меня еще не сильно мучили, другим пришлось хуже.

Приводили, ставили к столу на колени, головой вниз, и били, били.

Не было никакой надежды, что мы выйдем оттуда. Двоих ребят забили насмерть. Они не местные, не чернореченские, из какого-то села недавно приехали. Я не видел их сам, но были ребята, которые видели.

У парня 23-х лет, когда его привели к нам после пытки, анальное отверстие было в крови. Отчего и как, мы спрашивать не стали.

Особенно жестоко мучили ребят до 30-ти лет. После девяти часов вечера и, примерно, до двух-трех ночи раздавались страшные крики. Если даже не бьют, а только слышишь эти крики, уже можно было сойти с ума.

Содержали нас в бочках-отстоях, в которых раньше были горюче-смазочные материалы. Всего было три таких цистерны. В той, в которой находился я, раньше было техническое масло. Высотой она была примерно с двух-трехэтажный дом, сверху вниз вела лестница в несколько маршей.

Там был очень сильный запах. Бензин хоть выветривается, а запах масла было невозможно переносить. Когда люк открывали, становилось легче. На дне были лужи масла и грязи. Сухого места не было. Я старался не ложиться, но на второй день меня часа три били током и тогда просто упал на пол, а все остальное время я провел стоя, тем более, что у меня поясница простужена. И там было очень холодно. Мне стало плохо. Еще сутки я бы, наверное, не выдержал. В нашей цистерне содержалось 47 человек, в других, наверное, столько же. Один из офицеров, который относился к нам по-человечески, сказал, что в *Черноречье* было задержано 200 человек. Содержали же всего в трех местах.

С нами в цистерне были даже работники органов внутренних дел, чеченцы по национальности. Двое из Заводского района, один из *Гудермесского* линейного отделения милиции, один из грозненского ОМОНа. Их также били и обвиняли в проведении терактов.

В *Черноречье*, в середине августа, был теракт на дамбе. Дознаватели твердили, что раз я местный, должен знать, кто это сделал. Они говорили: “Вас 47 человек, 10 процентов, наверняка, боевики”. Я же всех здесь знаю, неправда это. Называли фамилии известных боевиков из *Черноречья* и спрашивали, богато ли они живут. Подтверждения того, что они действительно боевики не требовалось.

Я пробыл там трое суток. Отпускали того, кто сдавал автомат. Моим родственникам тоже пришлось купить и сдать его, чтобы меня выпустили.

Оставалось 17 человек, у которых денег на покупку оружия не было. Их били, пинали ногами, а потом закинули в машины и повезли в сторону “Минутки”. По дороге, начиная от остановки Окружной до улицы 8-е марта, на ходу их выкидывали. Я их знаю, они из поселка *Алды*. Когда их забирали, говорили, что у них прописка не в *Черноречье*. Но ведь *Алды* и *Черноречье*, это одно и то же, почти все здесь друг другу родственники.

Когда меня выпускали, то заставили подписать протокол задержания. Я быстро пробежал его глазами, и понял, что ни слова о патронах, автомате там нет. Потом передо мной положили бумагу, закрыли текст и говорят: "Подписывай!" Так пришлось подписать три бумаги. Что там было написано, я не знаю, а мы и так были в таком состоянии, что даже в убийстве могли признаться.

После того, что со мной там сделали, мне нужно лечиться. Когда я встаю утром, у меня живот опухает и надувается. Часа два-три сижу, только к обеду могу выйти. Мне назначили лечение, но денег у меня нет."

Лейла:

"Мне не сказали, что задержали сына. Я бы этого не выдержала. На второй день после его задержания, то есть 31-го августа, к нам домой на проверку пришли солдаты. Я им чай поставила. Они были вежливые, порядочные. Они вели себя хорошо.

Потом, уже 1-го сентября, пришла вторая группа солдат. Они вели себя совершенно по-другому: сквернословили, все в доме перевернули, а потом потребовали, чтобы я открыла чемоданы.

В одном из них, в кармашке, лежала золотая монета и моя пенсия, полторы тысячи рублей денег. Из монеты же я хотела сделать себе зубы. Я стояла в стороне и не заметила, как они все это взяли. Обнаружили пропажу только после их ухода. Но для меня самое главное, чтобы ничего не случилось с моим сыном. Хоть все заберите, только нас оставьте в живых! "

В ходе опроса представителям "Мемориала" удалось выяснить имя и фамилию молодого человека, раненного в ходе "зачистки".

Авторханов Бекхан Айндиевич, 1980-го г.р., 31-го августа выходил со двора с двумя друзьями и увидел военнослужащих. Те потребовали, чтобы ребята подошли к ним, но молодые люди хорошо знали, чем это может для них кончиться, и попытались убежать. Военные открыли по ним огонь. **Бекхан** был ранен в руку навывлет, вторая пуля застряла в ноге.

Всех троих вывели на Новосибирскую улицу и, положив на дорогу, стали снимать на камеру. Головы ребят придавили к земле. **Бекхана** солдаты били по ребрам. Минут через тридцать подъехала военная машина. Матери **Бекхана** сказали, что вынут пулю и привезут его назад. От страха за судьбу сына, у матери отнялись ноги.

На заправочной станции **Бекхана** обыскали и провели к следователю, как он подумал. Начали спрашивать, когда и как ранен. Он рассказал, как это произошло, но дознаватели не поверили, (или сделали вид, что не верят). Один отвел в сторону, проявил "сочувствие" и сказал, что надо принести автомат, он все равно ничего не докажет.

Отпустили **Бекхана**, только к вечеру. Сказали, что если в течение двух часов пулю не смогут вытащить, то начнется гангрена. И предупредили, чтобы к 6-ти

часам принес два автомата за двух своих друзей. "Их судьба в твоих руках", - сказали ему. Но к этому времени, к счастью, одного из них уже отпустили.

Второй оказался на свободе после приезда в поселок гантемировцев, мэра города и т.д.

СОБЫТИЯ В СЕЛЕ ЦОЦИН-ЮРТ

(4 сентября 2000 г.)

События в селе Цоцин-Юрт Курчалоевского района наглядно иллюстрируют как обе стороны вооруженного конфликта В Чечне в своих действиях не принимают в расчет вопросы безопасности мирного населения.

Очевидцы нижеизложенных событий были опрошены сотрудником правозащитного центра "Мемориал" в селе Цоцин-Юрт.

Ранним утром 4 сентября 2000 года федеральные военнослужащие проводили "зачистку" нескольких кварталов в селе Цоцин-Юрт, были задержаны местные жители. В ходе "зачистки" произошли вооруженные столкновения с находившимися в селе боевиками.

Позже в этот же день в Цоцин-Юрт по просьбе главы администрации села местных жителей приехал комендант Курчалоевского района. Он обещал местным жителям выяснить судьбу задержанных и способствовать их освобождению. Однако на выезде из села колонна, состоящая из бронетранспортера и двух автомашин, в одной из которых ехал комендант, была обстреляна членами чеченских вооруженных формирований. В ходе завязавшегося боя Цоцин-Юрт был подвергнут интенсивному обстрелу, в результате которого погибла женщина и еще 40 жителей села получили ранения.

Около 5 часов утра 4 сентября в село Цоцин-Юрт въехали российские военнослужащие и окружили несколько его кварталов.

К одному из домов по улице Ленина подъехали бронетранспортер и две машины "Урал". Люди в масках оцепили дом старика **Хусейна** и ворвались во двор. Не предъявив никаких документов и ничего не объясняя, военные перевернули весь дом и задержали старшего сына **Хусейна - Эзира** (1971 г.р.), младшего сына (1983 г.р.), гостя (фамилия неизвестна), работника (тракториста) и младшего брата хозяина - **Хизира** (1961 г.р.), который собирался на своей "Газели" ехать в **Хасавюрт** за товаром. У последнего при себе были деньги (4 тысячи долларов и 20 тысяч рублей). Эти деньги люди в масках забрали во время обыска.

Хотя в семье **Хусейна** не было ни одного боевика, тем не менее члены семьи не скрывали своих симпатий по отношению к участникам чеченских вооруженных формирований, противостоящих федеральной стороне.

Всем задержанным обмотали и завязали головы, а руки связали проволокой. Затем из погрузили в автомашину и увезли в неизвестном направлении.

В это же время в другой части села военнослужащие окружили дом, в котором находились вооруженные люди. О том, кто были эти люди, жители села сообщают противоречивую информацию. Скорее всего, это были находившиеся на излечении в селе раненные боевики.

Двое мужчин успели выскочить из окруженного дома и укрыться в кукурузе на соседнем огороде, откуда они открыли огонь из пистолетов. Военнослужащие забросали огород гранатами, убив обоих.

В этот момент на крыльцо соседнего дома, принадлежащего художнику **Мухади**, выскочил с автоматом в руках двадцатилетний сын художника и открыл огонь по военнослужащим, убив двоих из них. Ответным огнем стрелявший был убит.

В соседнем доме военнослужащие задержали двух местных жителей (1979 и 1985 годов рождения). Задержанные не оказывали сопротивления. По рассказам местных жителей, они не принимали участия в боевых действиях.

В этот же день глава администрации *Цоцин-Юрта* вместе с братьями задержанного утром **Хизира** отправились в райцентр *Курчалой*, к коменданту района. Они попросили коменданта выяснить кто проводил “зачистку” в их селе и где находятся задержанные. Кроме того, поскольку по телевидению неоднократно сообщалось, что “зачистки” могут проводиться лишь в присутствии представителей коменданта района, прокуратуры и администрации населенного пункта, глава администрации *Цоцин-Юрта* просил коменданта выяснить на каком основании эти условия не выполняются.

Комендант в колонне, состоящей из бронетранспортера и двух легковых машин приехал в село. Побывав на месте боя и в домах задержанных, он сказал местным жителям: "Если на задержанных нет крови, завтра ваши мужья и сыновья будут дома. В крайнем случае - силой заберу. Никто кроме меня не имеет право в моем районе производить обыски и зачистки".

Когда колонна, в которой находился комендант, уже выезжала из села, ее неожиданно обогнали две автомашины. Первая умчалась вперед, вторая же машина на окраине села, возле школы, резко развернулась, и, выскочивший из нее мужчина направил на колонну гранатомет. Случайно находившаяся рядом женщина, увидев происходящая попыталась остановить боевика. Она крича ему: "Ты что хочешь, чтобы они уничтожили село?". На что тот крикнул в ответ: "Тебе мало пятерых, которых они убили!? Ты их любишь!?" Однако выпущенная граната попала не в колонну военнослужащих, а в жилой двор, ранив женщину, ребенка и молодую девушку. Пока федеральные

военнослужащие выскакивали из машин, стрелявший сел в свою машину и скрылся в селе.

Военнослужащие открыли сильный, но явно неприцельный огонь. В находящемся рядом здании школы в результате обстрела не осталось ни одного стекла. Лишь по счастливой случайности никто из детей, находившихся в это время на занятиях, не пострадал.

В это время вернулась вторая машина, обогнавшая колонну, и находившиеся в ней пять вооруженных человек заняли позицию в доме семьи **Пашаевых**. Этот дом удобен для размещения в нем боевых позиций, поскольку его первый этаж состоит из бетонных блоков. Начинается бой. Причем, по словам очевидцев, только первые полчаса были слышны выстрелы из дома, остальные 2-3 часа шел шквальный обстрел села. На помощь федеральным военнослужащим прилетели вертолеты, пришла еще одна колонна бронетехники из *Курчалоя*.

В ходе боя пострадали мирные жители: **Зарган Юсупова** (1960г.р.) была убита, более 40 мирных жителей получили ранения разной тяжести. Из-за недостатка медикаментов и невозможности оказать помощь в особо тяжелых случаях, часть больных перевезли в больницу города *Аргун*.

После боя российские военнослужащие зашли на позиции боевиков: двое из них лежали сразу за домом, один в расстоянии 50 м, еще двое - в расстоянии 100 м. Видимо, трое отползших умерли от потери крови. По словам очевидцев, солдаты каждому трупу сделали по "контрольному выстрелу" в голову.

После этого происшествия через главу администрации села местным жителям из комендатуры передали, что "если еще хоть одна пуля пролетит мимо солдата федеральных войск, *Самашки* и *Алхан-Юрт* вам покажутся цветочками".

О судьбе задержанных с тех пор ничего не известно.

10 сентября 2000 года около десяти часов вечера глава администрации села возвращался на машине домой. Люди из кафе у дамбы видели, как два человека вышли из белой "шестерки" и в упор, хладнокровно расстреляли машину сельского главы. Это убийство жители села объясняют по разному. По мнению одних, главу администрации убили злые на него вахабисты, по мнению других, наоборот, это была месть военнослужащих за события, произошедшие 4 сентября.

В любом случае, люди в *Цоцин-Юрте* живут в страхе и даже начинают покидать село семьями.

“ЗАЧИСТКА” В СЕЛЕ СТАРЫЕ АТАГИ

(4-8 сентября 2000 г.)

Сотрудники ПЦ "Мемориал" провели опрос местных жителей в селе Старые Атаги Грозненский сельский район.

Ниже приводится сводная справка и выдержки из рассказов местных жителей.

"Зачистка" села *Старые Атаги*, проведенная федеральными силами 4-8 сентября 2000 г. сопровождалась обстрелом села, разрушениями домов, грабежами, избиениями и пытками жителей села. По крайней мере один мужчина, временно в качестве вынужденного переселенца проживающий в *Старых Атагах*, был без суда казнен военнослужащими.

*Село **Старые Атаги** протянулось вдоль реки Аргун в предгорной части Чечни. На противоположном правом берегу Аргуна расположено село **Новые Атаги**. Дороги, проходящие через Старые Атаги, ведут в горный Шатойский район, в ряд крупных предгорных сел, а также в город Грозный.*

*Старые Атаги было взято под контроль федеральных сил во **второй половине января 2000 г.** Тогда ни в самом селе, ни на прилегающей территории не располагались позиции боевиков. Тем не менее, **27 января** военнослужащие, въехавшие в село, захватили и увезли в неизвестном направлении трех братьев Гириевых и их соседа Сугаипова. Позже их тела со следами пыток и насильственной смерти были найдены недалеко от села (["Мемориал" сообщил об этом](#)).*

В селе была размещена российская военная комендатура.

***Зимой 2000 г.** в Старых Атагах была проведена "зачистки", в ходе которой были задержаны и доставлены в "фильтрационные лагеря" в Чернокозово и Урус-Мартане несколько десятков местных жителей. Однако затем все они были освобождены как ни в чем не виновные.*

*В течение **весны и лета 2000 г.** в Старых Атагах и на территориях, прилегающих к селу, наблюдалась активность чеченских вооруженных формирований, противостоящих федеральным силам.*

На дорогах ведущих из Старых Атагов в Грозный и из Новых Атагов в Шали неоднократно обнаруживались и обезвреживались мины.

***21 июля** в районе Новых Атагов в результате подрыва на управляемом фугасе автомашины "Урал" погибли трое офицеров сотрудников Рязанского ГУВД и милиционер-водитель из Санкт-Петербурга, трое милиционеров были ранены.*

19 августа один военнослужащий федеральных сил погиб и еще трое получили ранения при нападении членов чеченских вооруженных формирований на избирательные участки в Старых Атагах.

Федеральные силы, в свою очередь, также проводили в этом районе операции.

В начале июля в Старых Атагах были уничтожены 5 минизаводов по производству самодельного бензина.

17 июля, по сообщению ИТАР-ТАСС, в лесопосадке вблизи Новых Атагов был обнаружен склад оружия.

20 июля это же информационное агентство сообщило, что сотрудники МВД РФ обнаружили крупный тайный склад оружия боевиков в лесном массиве в районе Старых Атагов. Из тайника было изъято 5 реактивных снарядов, 5 огнеметов "Шмель", 12 гранатометов "Муха", 48 ручных противотанковых гранатометов, 130 мин, свыше 50 гранат, 17 противопехотных мин, 22 400 патронов к зенитной установке "Шилка", самодельный миномет, а также огромное количество патронов к стрелковому оружию и взрывчатка.

27 июля в пресс-центре объединенной группировки федеральных войск сообщили, что "под селением Старые Атаги в тайнике обнаружено 300 кг религиозной литературы ваххабитского толка".

20 августа по селу Старые Атаги было произведено несколько артиллерийских выстрелов. Пострадала сельская школа.

27 августа в селе Новые Атаги был задержан **Умар Намуев**, обвиняемый в организации террористических актов на центральном рынке во Владикавказе. По мнению сотрудников временного отдела Северо-Кавказского управления по борьбе с оргпреступностью, этот человек являлся одним из заместителей полевого командира **Хаттаба**. Важно отметить, что для того, чтобы осуществить этот арест не понадобилось проводить "зачистку" населенного пункта. По сообщению РИА "Новости", сотрудники МВД получив информацию о том, что **Намуев** скрывается в Новых Атагах из оперативных источников, устроили засаду и задержали подозреваемого.

В начале сентября федеральные силы приступили к "зачистке" села Старые Атаги.

Из рассказов местных жителей складывается следующая картина произошедшего тогда в селе.

Вечером 4 сентября 2000 года с 15.00 российские военные начали окружать село. В считанные часы этот населенный пункт был окружен со всех сторон: дороги блокированы, на каждом мосту разместился военный пост – никто не мог ни выехать, ни заехать в село. К селу были подтянуто большое количество танков, БТРов, БМП, над селом кружились вертолеты. Пехота окапывалась вокруг села, используя военные экскаваторы. Создавалось впечатление, что

военные готовились к боевым действиям. Встревоженные жители села не знали, куда им деваться, где прятать молодых людей, понимая, что молодежь будет первой жертвой возможной расправы. С наступлением темноты над селом повисли осветительные ракеты. Начался артиллерийский обстрел окрестностей села. Некоторые артиллерийские снаряды падали на территории села во дворы и дома. Люди прятались в подвалах.

Артобстрелы повторялись в ночь с **5 на 6 сентября**.

В результате многие дома оказались разрушенными и поврежденными. Так **6 сентября** в дом многодетной семьи **Мехтиевых** (9 детей), проживающих на улице Центральной, попал артиллерийский снаряд, который по какой-то причине не взорвался. После окончания “зачистки” семья обратилась в комендатуру с просьбой, прислать саперов для обезвреживания этой не взорвавшейся ракеты. Представители федеральных войск пришли, посмотрели и отказались ее откапывать, потому что снаряд ушел слишком глубоко под дом. Семью же успокоили словами, что он может лет 8-10 не взорваться.

В дом **Магомеда Яндарбиева** на улице Ханпаши Нурадилова, 63 попало два артиллерийский снаряда. На улице Нагорной, 58 артиллерийским снарядом разрушен дом **Зары Сайхаевой**. Также в эти дни в результате обстрелов были сильно повреждены дома **Руслана Хайтаева, Нурди Нагамерзаева, Адама Нажаева** и многих других.

Следует подчеркнуть, что обстрелу подвергалось село, в котором не располагались позиции боевиков, из которого по военным ни кто не стрелял. Официальная информация не содержит ни одного упоминания о каком-либо сопротивлении войскам при проведении “спецоперации” в Старых Атагах.

По словам главы администрации Старых Атагов **Вахи Гадаева** ни администрация села, ни духовенство не были предупреждены о предстоящей зачистке, хотя, как известно, между правительством республики и федеральными силами подписано соглашение, согласно которому любая “зачистка” проводится только в присутствии коменданта, главы администрации и имама мечети. Судя по всему, это соглашение действует только на бумаге.

Непосредственно “зачистка” началась рано утром, **6 сентября**, когда войска вошли в село. Она сопровождалась грабежами и издевательствами над людьми. Солдаты врывались в дома, выбивали двери, взламывали замки, хотя хозяева домов предлагали ключи.

Военнослужащие задержали семь местных жителей и потребовали за их освобождение деньги или оружие. Оружие для выкупа родственники задержанных покупали, в основном, у российских солдат. Таким способом удалось освободить пять человек. Освобожденные люди были страшно избиты, они подвергались пыткам, в том числе и электрическим током.

7 сентября 2000 года из староатагинской больницы военнослужащие забрали **Эделбека Исаева**, 1979 года рождения. По-видимому, военнослужащие

считали, что Исаев является раненым боевиком. На самом деле он был ранен во время бомбардировки селения Халкелой в марте 2000 года. Туда его семья бежала из Грозненского района от военных действий. Однако в Халкелое во время бомбардировки от прямого попадания бомбы погибли **отец и брат Эделбека Исаева**. Сам он остался жив, но был тяжело ранен в ногу. Вместе с другими ранеными его с помощью федеральных военнослужащих доставили в атагинскую больницу. За ним постоянно ухаживала его сестра **Маританна**. 7 сентября 2000 года она сделала все, что было в ее силах, чтобы Эделбека не забрали. Но его увезли в неизвестном направлении, и до 13 сентября 2000 года о нем ничего не было известно.

8 сентября по итогам проведенной операции пресс-бюро внутренних войск МВД сообщало:

“В ходе проведения частями внутренних войск МВД специальных операций в населенных пунктах Алхан-Юрт и Старые Атаги уничтожен фугас и три гранаты. Кроме того было изъято 9 автоматов, пистолет, револьвер "Магнум-257", подствольный гранатомет, два незарегистрированных охотничьих ружья, артиллерийский снаряд калибра 122 мм, мина ТМ-72, 15 гранат к подствольному гранатомету, 350 патронов к стрелковому оружию, 760 кг селитры и радиостанция.

По сообщению пресс-бюро, подразделениями внутренних войск по подозрению к причастности к незаконным вооруженным формированиям задержаны 30 человек”.

Следует отметить, что в данном сообщении объединены итоги “зачисток” двух удаленных друг от друга сел, и понять что же нашли военнослужащие именно в Старых Атагах невозможно.

В тот же день, подразделение сотрудников МВД РФ, возвращающееся в место своей дислокации после “зачистки” Старых Атагов попало в засаду.

“Один милиционер погиб, шестеро получили ранения в результате нападения на автоколонну временной оперативной группировки органов и подразделений сотрудников МВД РФ, совершенного 7 сентября. Сотрудники милиции возвращались после проведения спецоперации в населенном пункте Старые Атаги. Колонна состояла из двух БТР боевого охранения, четырех УРАЛов и машины УАЗ. Между населенными пунктами Гикаловский и Пригородное на управляемом фугасе был подорван головной БТР, сразу же после взрыва начался интенсивный обстрел колонны. Милиционеры заняли оборону, и завязался бой, который длился в течение часа. По рации были вызваны вертолеты, которые оказали милиционерам огневую поддержку. Бандиты после появления вертолетов скрылись, используя рельеф местности.”

(8 сентября, РИА "Новости")

А 13 сентября на окраине Старых Атагов вскрыты три захоронения, случайно обнаруженные за два дня до этого сельским трактористом. При

вскрытии присутствовали: глава администрации села Старые Атаги **Ваха Гадаев**, представитель прокуратуры Грозненского района, следователь и судебно-медицинский эксперт.

В одном захоронении был обнаружен труп молодого человека, в котором **Маританна Исаева** опознала своего брата. На теле были четко видны колотые раны, переломы рук и ног. Шея убитого сломана, лицо изуродовано.

В другом захоронении были найдены тела трех мужчин, пропавших 20 декабря 1999 года на блок-посту у села Старые Атаги, возле памятника Асланбеку Шерипову. Это дядя и двое его племянников: **Имран Вахаевич Кунтаев** 1964 года рождения - житель села Старые Атаги, **Адам Султанович Садаев**, 1974 года рождения - житель станицы Ассиновской (был беженцем в с.Старые Атаги); **Аднан Алиевич Абдурзаков**, 1969 года рождения - житель г. Грозного, тоже беженец. Каждому в голову был сделан выстрел в затылок.

В третьем захоронении находились два трупа неизвестных мужчин, которых никто из присутствовавших при вскрытии не опознал. На телах явно видны следы побоев и пыток. Лицо одного сильно изуродовано.

Рассказывают жители села Старые Атаги

Зина Ансангириева:

“5 сентября 2000 года в 21.00 я стояла у ворот своего дома и рассматривала осветительные ракеты в небе. Неожиданно по нашему дому ударил снаряд. Осколки пролетели надо мной и другими женщинами, которые были со мной. Это случайность, что мы живы остались. Мы вышли от беспокойства, посмотреть на осветительные ракеты. Если бы мы были внутри дома, мы все погибли бы. В эту ночь снаряды попали в пять домов.”

Рамзан Ахмадов:

“То, что российские солдаты делали в нашем селе в эти дни можно назвать только словами - полнейший беспредел. Я убедился в этом самолично. Мы с братом живем в одном дворе. Однако он не выдержал напряжения от этой войны и уехал с семьей, а дом закрыл, оставив ключи у меня на хранение.

Солдаты ворвались в наш двор. На моих глазах они выносили из дома, завернутые в пледы и одеяла вещи моего брата, и грузили их в бронетранспортер, стоящий на улице. У них даже были свои мешки, куда они складывали вещи, а некоторые солдаты выполняли роль грузчиков, которые только выносили полные мешки и загружали их в транспорт. После того, как они ушли, я вошел в дом и ужаснулся. Дом был ограблен, все, что хотели, унесли, а оставшееся было варварски разрушено. Я пока не стал разбирать этот разгром, чтобы желающие могли увидеть, как российская армия “зачищает” наши дома от наших вещей, от имущества, нажитого годами труда.”

Петимат, жена Рамзана:

“При так называемой “зачистке”, здесь произвели грабеж, по-другому это не назовешь. Из дома моего деверя вынесли все ценные вещи. Слегка прикрыв чем-то, вынесли музыкальный центр. Остальные вещи выносили, хорошо завернув в пледы или в какую-нибудь тряпку. Заходили в дом с пустыми рюкзаками, а выходили - с полными.

Когда солдаты ушли, мы зашли в дом и увидели полный погром. Дорогую посуду в шкафах всю разбили, ящик, в котором стоял музыкальный центр, был пустой, одежды, висевшей в шкафу, тоже не было. Даже постельное белье, сложенное в шкафу, унесли. Все, что осталось было разбито, изрезано ножами, приведено в полную негодность.”

Султан:

“Солдаты вели себя, как настоящие уголовники-бандиты. Еще БТР не успевал остановиться, они спрыгивали с него и врываются в дома, как будто в там находятся преступники. Наставляли на женщин и детей автоматы и выгоняли их из дома, и не запускали их обратно до тех пор, пока не вынесут из него все, что им понравится. У меня из дома унесли даже все мелкие вещи. Украли золотые часы, золотой перстень, из шкафа забрали рубашки, и новые и старые, даже некоторые детские вещи пропали. Зачем им нужны детские вещи, не понятно? Неужели собираются отсылать их домой, своей семье! Хорошо, что я не богатый человек. Наверно, если бы имел дорогие вещи, то все также безжалостно унесли бы.”

Малика Каимова:

“Солдаты оцепили атагинскую больницу, стали ходить по палатам. В одной палате находился парень по имени **Эделбек**, раненый в селе *Халкелой* во время обстрела вертолетами. **Эделбек** был ранен в ногу и ходил на костылях.

Солдаты набросились на него, отбросили костыли, сказали: “Они тебе больше не понадобятся”. Несмотря на сопротивление присутствующих при этом людей, его затолкали в БТР и увезли. Это был БТР № Р107. Мужчины говорят, что это солдаты 245 полка генерала **Шаманова**.

Рассказывают, что **Эделбека** расстреляли, как боевика. У этого парня была особая трагическая судьба. Еще в марте он и его семья попали под бомбардировку в селе *Халкелой*. Бомба попала в их дом. Погибло 11 человек, в том числе его отец и брат. Сам **Эделбек** был тяжело ранен. Вместе с другими ранеными его привезли в атагинскую больницу сами федералы. И вот теперь он стал жертвой тех же самых федералов.”

Малика Кадырова, учительница:

“Мы, учителя, все лето своими силами готовили нашу школу к началу учебного года. 18 августа нашу школу обстреляли. Нам сказали, что это сделали боевики. Но в селе есть свидетели, которые видели, что это сделали российские солдаты. Теперь, во время “зачистки”, школу окружили солдаты: ни учителей, ни школьников внутрь здания не пускали, угрожая автоматами.

После окончания “зачистки” мы увидели жуткую картину разгрома: в спортивном зале все было погромлено; классные комнаты загажены; школьно-письменные принадлежности, выданные в качестве гуманитарной помощи; унесли, парты и столы разбиты, на досках написали нецензурные, бранные слова. Вот такую “зачистку” федеральные войска провели в школе. Я прошу всех, кто может это услышать, помогите нам, защитите нас от этого беспредела, от этого беззакония.

Забирают из дома совершенно невинных людей, многие из них пропадают бесследно. А если кому-то и удастся вернуться домой, то он бывает покалечен избиениями и пытками.”

Зара Лабазанова:

“В время “зачистки” забрали моих сыновей: **Балавди Идигова** и **Билала Идигова**.

Мои сыновья к войне и к военным действиям не имели никакого отношения. Сразу же от меня потребовали два автомата. Нам пришлось у них же, у российских солдат, купить эти два автомата и выкупить ребят таким способом.”

Айна Демильханова:

“В мой дом также ворвались солдаты. У меня больная двенадцатилетняя девочка, немая. Солдаты направили на нее автоматы. Она страшно испугалась, побледнела и она побежала по улице, куда глаза глядят. Солдаты смеялись над ней.

Я задала вопрос военным: “Почему вы издеваетесь над людьми, воруете, мародерствуете?” Они мне ответили, что им начальство разрешило, так как у России нечем платить зарплату. Они говорят, что Путин велел им самим здесь собирать зарплату.”